

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Arthur Hamish.

М. С. Знаменскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОКРЕСТНОСТИ

Г О Р О Д А

Т О Б О Л Ь С К А .

781
57
8

Пль

Изданіе А. А. Крылова.
Тюмень. Собств. Типографія.
1901.

**THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES**

Д

т.р

М. С. Знаменскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОКРЕСТНОСТИ

Г О Р О Д А

Т О Б О Л Ь С К А.

Т Ю М Е Н Ъ.

Издание А. А. Крылова.

1901.

Дозволено цензурою. Москва, 29 апрѣля, 1900 года.

Типографія А. А. Крылова („Сибир. Торг. Газеты“).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лишь толькопахнётъ въ открытыя окна весною и слышится въ полѣ голосъ кукушки я какъ бродяга стремлюсь на свободу въ лѣса: тамъ въ тишинѣ, по-сѣщая бугры и овраги я вспоминаю исторію нашего края. Сколько мѣстъ и урочищъ предстаютъ предо мною какъ страницы сказаній о прошлыхъ дѣяніяхъ и людяхъ отжившихъ и связавшихъ имя свое съ исторіей нашего края. Было время когда почти каждый житель Тобольска зналъ каждую мѣстность съ ея историческимъ прошлымъ, было время когда съ легкой руки Кипріана у насъ началось собираніе легендъ и преданій: писалъ и ямщикъ*), и боярскіе дѣти**), писали и купцы***). Имена и сочиненія Миллера, Фишера и Словцова были знакомы каждому грамотею; но прошло это время: съ тощихъ російскихъ кормовъ потянулись на тучныя пажити наши служилые, краю нашему чуждые люди, имъ не было дѣла до исторіи нашей—лишь бы имъ нагулять себѣ тѣло и снова исчезнуть въ Россію. Еще меньше сим-

*) Черепановъ.

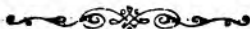
**) Ремезовъ.

***) Старинные роды купцовъ вели свои записки, исчезнувшія или въ пожарахъ, или по небрежности слѣдующихъ поколѣній.

патій питаль другой слой прибывшій сюда по неволѣ, — слой ссыльныхъ. Тѣмъ и другимъ какая нужда до нашихъ преданій; если имъ и знакомо было имя Ермака, то только потому что лѣтнее мѣстопробываніе клуба находится въ саду, гдѣ стоятъ памятникъ этаго героя.

Съ другой стороны и молодежь города Тобольска, выростая въ этой атмосферѣ, увлекается привозной мишурой и блескомъ мелхіора, индифферентно сторонится отъ мѣста ихъ рожденія. Только въ дали отъ родины въ болѣе чистой атмосферѣ труда и науки молодежь начинаетъ чувствовать свою кровную связь съ городомъ и дорожить всѣмъ до нее казующимся.

Вотъ для такихъ то, да еще для такъ называемыхъ закорuzныхъ тоболяковъ я и желаю собрать разбросанныя по многимъ сочиненіямъ, отъ части сдѣлавшимся библиографическою рѣдкостью, сказанія объ историческихъ нашихъ окрестностяхъ.

I.

УКРѢПЛЕНІЕ МАХМЕТЪ-КУЛА

на Чувашскомъ мысу.

Приближаясь по Московскому тракту къ переправѣ чрезъ Иртышъ, съ правой руки вы видите отвѣсную желтоватую стѣну, сажень въ 30 высоты, надъ подмывающей его рѣкою. — Это Чувашскій мысъ — первая историческая окрестность города Тобольска. Съ этой собственно мѣстности и начинается исторія города Тобольска.

Жутко дѣлается, когда, съ каждымъ взмахомъ весель, паромъ придвигается къ готовой рухнуть въ воду стѣнѣ, состоящей изъ рыхлыхъ слоистыхъ песковъ и частию глины. Вы выходите на берегъ и стѣна возвышенности, повернувшись подъ прямымъ угломъ къ сѣверу, теряетъ свой мертвенный видъ. Здѣсь она отъ основанія до вершины одѣта въ голубовато-зеленый цвѣтъ курчавой полыни, (*Artemisia Frigida*), въ промывныхъ же, отъ тающаго снѣга и дождей, разсѣлинахъ растительность разнообразится: тутъ вы видите и мяту (*Glechoma Hederana*) и красивый розовый

букетами горошекъ и подь цвѣтъ ему кусты шиповника (*Rosa cinnamomea*), пріютившаго подь своею тѣнію наливающуюся землянику (*Fragaria vesca*). Пройдя по душистому ковру кашки (бѣлая дятлина—*Trifolium repens*) сажень полтора отъ берега, вы встрѣчаете небольшой холмикъ, образовавшійся отъ скатившейся сверху, изъ довольно широкаго оврага, земли. Этотъ широкій и вмѣстѣ съ тѣмъ, пологій оврагъ самый лучшій и удобный путь на высоту, или какъ мы называемъ на гору. Идя по тропинкѣ не разъ приходится остановиться, чтобы поднять черепокъ по типу своихъ украшеній родственный черепкамъ до историческаго вѣка Швейцаріи, Кавказа и Мервскихъ кургановъ, не разъ обращается вниманіе и на торчащія изъ глыбы глины рыбы и скотскія кости, а если посчастливится, то, можно найти тутъ, если не цѣлю, то обломокъ стрѣлы, или костяного ножа. Словомъ путь этотъ предвѣщаетъ, что вступаєте вы на почву былого прошлаго. Но вотъ суживающійся къ верху оврагъ приводитъ васъ въ ровъ, окружающій скругленнымъ треугольникомъ пространство въ девяносто сажень въ окружности. Этотъ трехъ угольникъ одною стороною лежитъ у самого края бугра, а другою къ тому оврагу, по которому мы поднимались; пространство это—имѣвшее прежде три кургана поросло таваложникомъ (*Spiraea chamaedrifolia*) шиповникомъ, медунвой (*pulmonaria mollis*) и другими неприхотливыми растеніями нашего климата,—двѣ три березки сиротливо возвышаются надъ мелкою растительностію. За упомянутымъ уже ровомъ идетъ гладкое

пространство сажень въ 15 ширины, огражденное тоже рвомъ, но уже болѣе мелкимъ; а за нимъ мелкій березникъ окружаетъ стѣной это пустынное мѣсто.

Какихъ разумныхъ существъ смѣнили хлопотливые массы муравьевъ и насѣкомыхъ царящіе и хозяйничающіе въ настоящее время здѣсь? На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, соглашаясь вполнѣ съ нашимъ сибирскимъ историкомъ Словцовымъ, который говоритъ: „Вѣроятно на этихъ мѣстахъ живали вогулы и остяки, Въ подтвержденіи сего мнѣнія можетъ служить названіе Подчувашскаго мыса. Ибо рѣченіе „подъ чуваша“ значитъ на остятскомъ языкѣ селеніе прибрежное, какъ недавно узнано мною отъ ѣздившаго въ Обдорскъ чиновника. Прежде сего я не понималъ, отъ чего нашъ мысъ прозванъ Подчувашскимъ, потому что чувашей не было видно въ бытіяхъ сибирской исторіи“ *). Къ этому авторитетному мнѣнію мы можемъ прибавить только то, что произведенныя на этой площади раскопки дали намъ матеріалъ чисто остяцкаго быта, какъ то: костянные принадлежности оленьей упряжи—пластинки, надѣваемые на голову оленя для управленія его возжей, костянные пряжки, блоки и проч. Костянные ножи и лопаточныя скотскія кости съ заостреннымъ прорѣзомъ по срединѣ—это остятскія орудія для очистки рыбы отъ чешуи, глиняные болванчики звѣрей и человѣка сидящаго верхомъ на осѣдланной лошади—это пенаты жившихъ здѣсь лю-

*) «Прогулка вокругъ Тобольска» соч. Словцова. Стр. 29.

дей**). Кроме того по словам старожилловъ это мѣсто въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ было усѣяно оленьими рогами.

Допустивъ населеніе этихъ мѣстностей остяками мы поймемъ названіе и другого мыса Чукманъ: по словамъ хорошо знающаго остятскія нарѣчія протоіерея Попова „кеманъ“ по русски можно перевести „внутри“, что очень соотвѣтствуетъ положенію мыса Чукманъ.

Но возвратимся къ Чувашскому мысу и къ тому времени когда это мѣсто сдѣлалось мѣстомъ историческимъ и его имя получило право гражданства на страницахъ сибирскихъ лѣтописей.—Это было не задолго до пришествія Ермака, въ половинѣ XVI вѣка.

**) Вся эта коллекція въ настоящее время составляетъ собственность Сибирскаго университета

II.

ЧУВАШСКИЙ МЫСЛЬ.

Триста слишком лѣтъ тому назадъ, въ тѣ годы, когда рѣшалась судьба Сибири, въ Европѣ процвѣтали уже и наука и искусства: въ туманной Англiи, въ эти самые года, безсмертный Шекспиръ писалъ произведенiя, которымъ суждено было сдѣлаться извѣстными всему свѣту—проникать и доставлять отраду въ такихъ мѣстахъ, какiя при его жизни были населены только дикарями. Генiальная кисть Европейскихъ художниковъ того времени обезсмертила уже много, и историческихъ лицъ съ ихъ историческими подвигами, и простыхъ смертныхъ въ ихъ прозаической обстановкѣ.

Неудивительно, послѣ того, что писатель, вспоминая намъ прошлое Европы за триста лѣтъ, можетъ представить картину того времени съ богатыми и вѣрными подробностями. Совеѣмъ другое дѣло—говорить о прошломъ нашей Сибири: тутъ въ нашемъ распоряженiи нѣсколько краткихъ лѣтописей, да остатки тѣхъ холмовъ и равнинъ, гдѣ жили и дѣйствовали историческiя личности. Съ этими-то лѣтописями я и приглашаю читателя прогуляться со мной по нашимъ окрестностямъ и помянуть дѣла давно минувшихъ дней.

Въ 1580-хъ годахъ владѣль Сибирью царь Кучумъ; 12-ть лѣтъ тому назадъ пришелъ онъ со своими удалцами изъ южныхъ степей, побѣдилъ царя Этыгара (Этигера), убилъ его и поселился въ его городкѣ „Сибирь“, называемомъ нынѣ Искеромъ*). Помѣстившись тутъ со своими избранными, онъ принялся хозяйничать въ землѣ Сибирской, размѣщая женъ и родственниковъ по разнымъ ближнимъ городкамъ: такъ въ мѣстечкѣ Абалакъ помѣстилъ онъ старшую жену свою Самбулу, близъ нынѣшняго Тобольска жила вторая жена его, старшая дочь Мурзы Девлетъ-Бая; сѣвернѣе, верстъ на 9-ть отъ Тобольска, былъ городокъ третьей его жены—Сузге; затѣмъ тамъ и сямъ размѣстились его родственники: гдѣ тесть, гдѣ зять, гдѣ племянникъ.

Устроивъ близкихъ своихъ по мѣстамъ, повелъ Кучумъ свою жизньъ Сезъ труда и заботы. Взятіемъ Сибири и убійствомъ прежняго владѣтеля онъ лично закончилъ свой воинскія дѣла; для покоренія же мелкихъ Сибирскихъ народцевъ и для взиманія съ нихъ дани онъ разсылалъ уже подчиненныхъ. Дѣлъ у него по управленію своимъ царствомъ, какъ можемъ думать, было немного; порой только приходилось отписываться отъ требованій русскимъ царемъ дани по примѣру прежнихъ лѣтъ. Свою привычку въ кочевой жизни онъ могъ удовлетворять, визируя своихъ женъ и родственниковъ, въ антрактахъ же забавляясь охотой

*) Ис-каръ по татарски означаетъ вообще всякое старое городище. „Историческое обозрѣніе Сибири“. Соч. Словцова.

на многочисленныхъ еще тогда въ Сибири звѣрей и птицъ.

Было у Кучума всего довольно: хлѣбъ доставляли ему подвластные татары, занимавшіеся уже тогда хлѣбопашествомъ, рыбу, звѣря и мѣха—остяки и вогулы, а болѣе усовершенствованныя произведенія шли къ нему съ юга съ караванами изъ Бухары; такъ что про царя Кучума нашъ Тобольскій поэтъ П. П. Ершовъ имѣлъ полное право сказать:

„Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства;
Драгоценныя каменья,
Изъ монистовъ ожерелья,
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро. . .“

И жилъ Кучумъ спокойно и въ довольствѣ до 1580 года, и дальше бы такъ жилъ, умеръ бы покойно и лежали бы его кости на ханскомъ кладбищѣ, еслибы вдали отъ Сибири, на Западъ за тысячи верстъ, на широкой матушкѣ Волгѣ, не плавали люди, которымъ жизнь была копѣйка и которые тяготу крестьянскаго труда съ его невгодами промѣняли на легкую добычу разбойниковъ. Энергическія мѣры Царя Ивана Васильевича, принятія противъ нихъ, заставили этихъ людей поискать для себя другого подходящаго занятія, и какъ говорится въ старой пѣснѣ:

Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочеты еловые,

Накладайте бабачки сосновыя,

Мы поведемте, братцы, съ Божьей помощью,

Мы пригрянемте, братцы, вверху по Волгѣ рѣкѣ.

Перейдемте мы, братцы, горы крутныя,

Доберемся мы до царства бусурианскаго,

Завоюемъ мы царство Сибирское.

Вамъ юные читатели, хорошо извѣстно, кто былъ Ермакъ, какъ попалъ онъ къ Строгоновымъ, жившимъ на границѣ Сибиря, какъ съ ихъ помощью пошелъ на царя Кучума. Моя цѣль не повторять историческихъ извѣстныхъ вамъ сказаній, а только пройти по историческимъ сибирскимъ мѣстностямъ и вспомнать, гдѣ что было.

Не разъ гуляя по этимъ мѣстамъ, срисовывая ихъ и роясь въ землѣ, я говорилъ и съ мѣстными жителями, въ надеждѣ услышать отъ нихъ какія нибудь преданія, или легенды о прошломъ, но, къ сожалѣнью, русскихъ сибиряковъ ничего прошлое не интересовало. Только нашелся одинъ татаринъ-старикъ, житель Соусканскихъ юртъ, находящихся вблизи родового ханскаго кладбища. Привожу его сказаніе буквально: „Да!“ началъ меланхолически полуслѣпой сухой старикъ, казавшійся тѣнью, вышедшою изъ могилы, осененной столѣтними березами, „да, не хотѣлъ царь Кучумъ стариковъ слушать . . . не хотѣлъ — и погубилъ свое царство . . . Бѣжалъ къ нему Ермакъ, отъ русскаго царя бѣжалъ; много онъ тамъ людей убилъ, русскій царь хотѣлъ его повѣсить, ну онъ и бѣжалъ къ нашему царю . . . Принялъ его Кучумъ, хорошій кузнецъ былъ Ермакъ и умный

человѣкъ, полюбилъ его нашъ царь . . . Старики говорили: не вѣрь Ермаку . . . не слушай стариковъ Кучумъ, пускалъ его вездѣ . . . Годъ у него и жилъ Ермакъ, а когда все высмотрѣлъ, убѣждалъ. А потомъ, погода немного, пришли къ царю наши и говорятъ: ой плохо Царь! щена плыветъ по Тоболу, много щены плыветъ . . . худо будетъ, собирай войско! Опять царь не послушалъ стариковъ. А тамъ на Тоболѣ русскіе суда себѣ строили . . . построили, сѣли на нихъ, пришли сюда и взяли у Кучума царство. Это такъ было, у насъ все это въ нашихъ книгахъ такъ написано . . .” закончилъ онъ свой разсказъ. Я разувѣтся не сталъ ему пропагандировать о томъ, какъ въ нашихъ книгахъ написано: во-первыхъ кто могъ быть порукой, въ чьихъ книгахъ правда, а во-вторыхъ достаточно ужъ того, что мы русскіе отняли у татаръ царство; зачѣмъ же я буду отнимать у него дорогое для него убѣжденіе, что непослушаніе стариковъ были причиной этой потери.

И вотъ мы, потомки нѣкогда убивавшихъ другъ друга, мирно сидимъ друзьями, бесѣдуя о прошломъ и наслаждаясь природой. Я любовался и разскащикомъ, и всей окружающей насъ картиной; солнце опускалось къ западу и пронизывало густую рощу своими лучами, золотя то кудрявую зелень, то свѣтлыми пятнами рисуясь на синеватомъ столбѣ, увѣчанномъ чалмою, то играя на верхушкѣ длиннаго деревяннаго кося, воткнутаго надъ прахомъ неизвѣстнаго батыря; тѣнь отъ этой кладбищенской рощи длинной полосой тянется къ востоку; а тамъ далеко облитый

заходящимъ солнцемъ золотится крутой стѣной правый берегъ Иртыша, гдѣ жилъ нѣкогда тотъ непопулярный Кучумъ, о которомъ только что закончилъ рѣчь свою мой бронзовый пріятель въ своей бѣлой длинной татарской рубахѣ, рѣзко отдѣляющей его фигуру отъ изумрудно зеленой травы, на которой онъ сидитъ.

Но возвратимся къ Кучуму и встревоженной странѣ его: плывущая ли щепка, какъ говорилъ старикъ, или расплывающіяся чудныя вѣсти, какъ говорить лѣтописи, были причиной тревоги Сибирскаго народа—эти вѣсти или легенды П. П. Ершовъ облекъ въ поэтическую форму:

„Чудны женскіе рассказы!
Будто полночью глухою,
На мысу одномъ высокомъ,
По три раза приходила,
Цвѣту бѣлаго собака
И какъ уголь черный волкъ;—
Съ воемъ грызлись межъ собою,
И въ послѣдній разъ собака,
Разтерзала злаго волка.
Будто съ той же ночи всюду
Межъ Сибирскими лѣсами
Чуднымъ образомъ и видомъ
Вдругъ береза зацвѣла.
Будто въ полдень на востокѣ
Облака являютъ городъ
Съ полумѣсяцемъ на башняхъ—
И подуетъ вѣтръ съ Урала,

И снесет тотъ полумѣсяцъ,
И навѣтъ чудный знакъ.
Будто въ полночь вдругъ заблещетъ
Надъ могилами Искера
Яркій свѣтъ звѣздой кровавой,
И послышится стукъ сабель,
И невѣдомый имъ говоръ,
И какой-то страшный трескъ.
Что-то будетъ съ Ханскимъ царствомъ?

Всѣ эти видѣнія тревожили народъ и доставляли ему Сибирскому люду для ихъ бесѣдъ; трево жили ли они самого царя Кучума—я не знаю; знаю только, что пришлось ему встревожиться, но ужъ отъ иныхъ рассказовъ: близкій ему человекъ Таузакъ поѣхалъ собирать дань съ подвластныхъ Кучуму народцевъ; на устьѣ рѣки Тавды онъ неожиданно негаданно наткнулся на русскихъ людей; схватили его русскіе, перевязали его всю свиту и представили предъ очи атамана Ермака. Разумѣется ничего добраго, ни себѣ, ни свитѣ своей Таузакъ не ожидалъ, но—ошибся; вмѣсто смерти, плѣнные нашли хорошій приѣмъ и угощеніе. Угощалъ Ермакъ гостей своихъ, угощалъ, ласкалъ и спрашивалъ; а тѣ ему въ благодарность за ласку неожиданную рассказали подробно и о царствѣ Кучума, и о богатыряхъ своихъ, и о владѣніяхъ Кучумовыхъ. Съ своей стороны и Ермакъ показалъ ту еще невѣдомую имъ силу, при помощи которой онъ такъ скоро и безпрепятственно шелъ по враждебной ему сторонѣ, т. е. велѣлъ своей дружинѣ стрѣлять изъ пища-

лей, а затѣмъ сытыхъ, хотя нельзя сказать, чтобы радостныхъ, отпустилъ гостей домой.

Получивъ дозволеніе удалиться, гости конечно не стали засиживаться, а понеслись въ Искеръ. Много у нихъ было чего поразсказать царю Кучуму, который вмѣсто ожидаемой дани получилъ горькую вѣсть, что хозяйничаютъ въ его царствѣ гости неожиданные, непрощенные, да что не простые то люди, а „сильные, и когда изъ луковъ своихъ стрѣляютъ, тогда пышетъ огонь, и дымъ бываетъ великій и такъ стучитъ, какъ громъ на небѣ, и ничѣмъ защититься нельзя; ни панцыри, ни кольчуги, ни щиты наши не выдерживаютъ,—все пробиваетъ на вылетъ“ . . .

Дѣло шло ужъ не о видѣннѣхъ туманныхъ городовъ и звѣрей,—шла бѣда дѣйствительная. И всунули гонцы ногу въ костянные стремена, вскочили на коней и понесли во всѣ стороны тревогу, да царскій приказъ: собираться всѣмъ на Чувашскій мысъ, подѣ начало „Сибирскихъ странъ богатыря“ Махметъ-Кула.

На круто-подымающемся надъ Иртышемъ Чувашскомъ мысу началъ Махметъ-Кулъ устраивать себѣ крѣпость: вырыли ровъ сажени въ двѣ глубиной и сажени четыре шириной, укрѣпили его валомъ и ча-стоколомъ; затѣмъ, отступивъ сажень на 20 отъ перваго укрѣпленія, вырыли второй ровъ. Съ той же стороны, откуда ждали врага, не надо было ни рововъ, ни валовъ; на 30 саженную стѣну не совѣтъ то удобно было взбираться, противъ стрѣлъ, да за-насеннаго камня. Внизу же предъ холмомъ, сдѣлана засѣка.

Устроивъ городокъ и оставивъ тутъ часть отряда, двинулся Махметъ-Куль на встрѣчу Ермака и при урочищѣ Бабасанъ показалъ, что есть въ Сибири люди, рѣшившіеся дорого продать и свою жизнь и свою землю. Ермакъ отступилъ и поспѣшилъ съѣсть на свои суда. Но только это отступление и приобрѣли своей храбростію и кровью войска Махметъ-Кула. Суда Ермаковы шли впередъ и впередъ, не страшны были имъ стрѣлы, которыми осыпали ихъ съ берега сопутствующіе имъ татары. И вскорѣ съ Чувашскаго мыса, узкій, но дальнзоркій глазъ киргиза могъ усмотрѣть на западѣ и дымъ и зарево: то горѣлъ богатый улусъ Карачи. Оставалась одна надежда на Чувашскій мысъ.

Въ мрачный осенній вечеръ 1581 года струги казаковъ покинули воды Тобола, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Захарьевская церковь, вступили въ широкій Иртышъ; передъ ними за лѣсомъ, отступивъ полукругомъ, шелъ высокій холмъ, оканчивающійся на югѣ у самой рѣки Чувашскимъ мысомъ, усыпанный сверху тысячами людей. Укрѣпленный снизу засѣками, угрюмо и грозно смотрѣлъ онъ на подплывающую къ нему дружину Ермака.

Дрогнуло сердце храбрыхъ! Оставивъ свои суда и высадившись на лѣвый берегъ рѣки, въ покинутый жителями городокъ „Атыкъ-Мурза“, задумались русскіе. Невеселыя были ихъ думы: рѣшался вопросъ: „что имъ дѣлать? какъ устоять противу толикаго собранія поганныхъ?“ Первою мыслью было—бѣжать назадъ. Но какъ уйти? Куда уйти? На рѣкахъ на-

чалась уже шуга. Суда ихъ, служившія имъ надежной защитой отъ стрѣль, уже не годились. Отступать же пѣшкомъ, по странѣ незнакомой, враждебной безъ провіанта, значило прямо идти на смерть.

— „Не отъ множества войновъ бываетъ побѣда, но свыше отъ Бога помощь дается: Богъ можетъ и безпомочнымъ помочь“. Такія слова лѣтописецъ влагаетъ въ уста Ермаку на этомъ совѣтѣ. „И вспомнимъ, братья, обѣщаніе свое, честнымъ людямъ данное съ цѣлованіемъ креста: всѣмъ погибнуть, а назадъ не возвращаться. . . Если же намъ Всемогущій Богъ поможетъ, то и по смерти нашей намъ не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна“.

— „Готовы умереть за святую православную церковь и за истинную православную вѣру пострадать“! Такъ, по лѣтописи, порѣшили казаки и покончили совѣтъ свой.

Разсвѣло. Настало 23 октября.

„Ермакъ же“, говоритъ лѣтописецъ, „о дѣлѣ своемъ зело печальшеся и рѣче дружинѣ своей со слезами: о, друзи и братіе! помолимся Богу и пречистой его Богоматери, и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, дабы сохранены быша отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ“.

Началась общая молитва.

„И подходитъ онъ подъ знамя,
И даетъ къ молитвѣ знакъ,
И послушно вся дружина,
За вождемъ склонивъ колѣна,

Въ тишинѣ благоговѣнной,
Молить Господа и Бога,
О побѣдѣ надъ врагомъ.
Не долга—сильна молитва!
Вскорѣ встали всѣ казаки,
Сабли на голо и дружно.
Громкимъ голосомъ вскричали:
Съ нами Божеская сила
И Угодникъ Николай“!

„Вышли, и глаголаху: съ нами Богъ! и паки
приложиша: съ нами Богъ: Боже, помоги работѣ сво-
имъ! И начаша пристунати къ засѣлкѣ“.

Туча стрѣль встрѣтила храбрую дружину, „и
мнозехъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ
уязвляютъ, а иныхъ смертію убиваютъ“.

Смѣшались ряды казацкіе, а обрадованные этимъ
Кучумовцы, рѣшаясь разомъ покончить со врагомъ
своимъ, сломали засѣлки и бросились на русскихъ.
Началась жестокая битва. „И бысть сѣча зла; за
руки емлюще сѣчахуся“! говоритъ лѣтописецъ, или,
какъ выражается поэтъ Дмитріевъ:

Грудь съ грудью и рука съ рукой.

Отъ вопля ихъ дубравы воють,

Они стопами землю роютъ

Крутятся и Ермакъ сломилъ.

Поэтъ описываетъ здѣсь единоборство Ермака съ
Махметъ-Куломъ.

Намъ неизвѣстно, приходилось ли въ дѣйстви-
тельности встрѣтиться лицомъ къ лицу на этомъ
мѣстѣ двумъ героямъ; изъ лѣтописей же мы только

знаемъ, что Махметъ-Куль палъ здѣсь раненымъ и, вываченный изъ сѣчи своими товарищами, былъ увезенъ въ маленькой лодочкѣ на лѣвый берегъ Иртыша. Рана и исчезновеніе съ поля битвы храбраго предводителя подѣйствовали на татаръ и они въ свою очередь начали отступать отъ дружины Ермаковой.

И взялъ Ермакъ „ихъ засѣку и знамена свои тутъ поставиша“.

Гдѣ былъ и что дѣлалъ въ это время царь Кучумъ?

Прибывъ на Чувашскій мысъ, чтобы лично слѣдить за ходомъ дѣла, тревожные часы переживаетъ царь на этомъ высокомъ холмѣ, съ котораго, какъ съ царской ложи, онъ могъ видѣть всю сцену, гдѣ давалась кровавая драма. Окруженный муллами и оstattскими князьками, отсюда лучше самихъ участниковъ, онъ видѣлъ и понималъ ходъ всего дѣла. Дрогнуло его сердце при видѣ уносимаго съ поля сраженія Махметъ-Кула, дрогнули сердца и оstattскихъ князьковъ, бросившихся бѣжать со своими подчиненными народцами. Видѣлъ Кучумъ какъ начали отступать и татара.

Надежды на людей ужъ не было. И „повелѣ мулламъ своимъ кликати свою молитву и призвати на помощь своя боги. И не бысть ему помощи отъ нихъ, ни поспѣшенія“.

Кучумъ бѣжалъ.

И все это „толикое поганыхъ собраніе“, такъ ужаснувшее вчера дружину Ермакову, исчезло. Только угрюмый холмъ стоялъ на своемъ мѣстѣ; у подножія

его на заглядъ осенняя непогода играла съ русскими знаменами, или правльице снзвать хорутвлями; а вблизи была равнина, усвянная трупами:

„Очервленнишася тогда кровью поля, тущая ту, и постлашася трупиомъ мертвецъ. . . И благо собращеся ту отъ истекшїа крови, якоже древле отъ тѣлесъ у Троиискаго града“. Такъ заканчиваетъ лѣтописецъ свое сказаніе объ этой битвѣ.

Перейдемъ отъ прошлаго къ настоящему. Названіе Чувашскій мѣстъ, нѣкоторые приписываютъ тому, что будто бы во времена Кучума на этомъ мысу жили Чуваша, но Сибирскій историкъ Словцовъ говоритъ, что „Чувашей не было видно въ бытіяхъ Сибирской исторіи“ и что „рѣченію Подъчувами значить на остаткомъ языкѣ селеніе прибрежное“. . . Вѣроятно тутъ жили вогулы и остатки. . . На томъ мѣстѣ, гдѣ была завѣка и гдѣ впервые раздались ружейные выстрѣлы, и нынѣ войска жѣсткого баталіона упражняются въ стрѣльбѣ. Время, въ компаніи съ дождями, промыло въ холмѣ нѣскольکو овраговъ и одинъ изъ нихъ, послѣдній къ Иртышу, составляетъ самый удобный подъемъ на эту тридцати-саженную возвышенность и приводитъ прямо въ главный и первый ровъ. Поднимаясь по узкой тропинкѣ оврага, почти на каждомъ шагѣ можно найти какой либо остатокъ стараго времени: узорчатый черешокъ глинянаго сосуда, обломокъ востяжной подвѣлки, особенно много рыбьихъ костей, обляющихъ въ глинистомъ слѣвѣ правой стороны оврага. Поднявшись на верхъ, вы вступаете въ ровъ, изъ котораго направо протоптанная тро-

пикиа ведеть въ главное укрѣпленіе, имѣющее форму небольшого закругленнаго траугольничка, съ тремя возвышавшимися на немъ древними курганами. Чья то любознательная, а быть можетъ и корыстная рука, давно уже, такъ что успѣли тутъ вырости рядочныя березы, выкопала въ центрѣ этихъ кургановъ глубокія ямы. Пустынно теперь это главное укрѣпленіе, поросшее мелкими кустарничками тамаложника, ницовника и земляничникомъ, за то красивая и обширная панорама открывается съ этого мѣста глазу зрителя. Но, не смотря на красоту этой панорамы, облитой весеннимъ солнцемъ, съ свѣтлой рѣкой, отражающей въ себѣ голубой фонъ неба, съ розоватыми серебромъ опушенными облаками, не смотря на ярке зеленѣющіе луга, меня на этомъ пустынномъ холмѣ всякій разъ захватываетъ духъ прощлаго, и видится мнѣ другая картина: въ моемъ воображеніи востаетъ мрачное, богатое событіемъ, октябрьское утро во всей своей Сибирской обстановкѣ: съ синиценымъ небомъ, съ бѣляющимъ отъ мнѣя пространствомъ луговъ, на которомъ тигантскимъ серпомъ лежитъ стальной Иртышъ. И вотъ здѣсь, на этой высотѣ, на мрачномъ фонѣ неба, выдѣляется пестрая толпа въ своихъ перестрыхъ съ теплаго юга запыленныхъ востюмахъ, окружаетъ она южнаго выходца-целудельнаго царя Кутума и любимцевъ его, и советниковъ мумъ; за первыми же валомъ темная масса его разноплеменныхъ дамиковъ — темная масса темнаго люда, готовая, какъ и прилично рабамъ, устлать трунами землю, сдѣлать изъ своей крови болото, свирѣпо драться, чтобы от-

стоять жизнь, — покою и довольство этой пестрящей передъ ними кучка людей.

Но и нестрое, и темное, устремило свои узкіе глаза туда, въ даль, къ стальной полосѣ рѣки, откуда двигается по бѣдому полю черная кучка людей съ развѣвающимися хоругвями. Маль этотъ двигающійся съ молитвенными возгласами звѣрь, черезъ нѣсколько времени убудетъ его еще на треть; но судьбой ужь рѣшено ему пожрать ждущаго его великаго звѣря.

Да, историческія воспоминанія охватываютъ посетителя, на этомъ историческомъ мѣстѣ, и все видимое напоминаетъ ему прошлое. Налѣво то мѣсто, увѣковѣченное легендой, мѣсто битвы двухъ звѣрей; вдали, на самомъ горизонтѣ, подернутая голубымъ туманомъ, далеко, далеко виднѣется небольшая возвышенность — мѣсто бывшего богатаго улуса Карачи; направо, по эту сторону Иртыша, виднѣется уже не миражный изъ тумана, а дѣйствительный городъ съ бѣлыми колокольнями, увѣнчанными блестящими крестами, а на самомъ холмѣ вокругъ обоихъ рвовъ, мелаѣхолоически качаютъ своими верхушками бѣлыя березы, вытѣснившія первыхъ здѣшнихъ обитателей — хвойныя лѣса.

Но еще съ большей силою охватываетъ духъ прошлаго, когда, снявъ аршинный слой земли, начинаешь разбираться въ остаткахъ того вѣва. Впереди, по всѣму краю холма, лежатъ въ безпорядкѣ накопечники костянныхъ стрѣлъ разнообразной формы, между ними нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же костянные топоры, кое гдѣ колечки отъ кольчугъ, нѣсколько каменныхъ пуговицъ и одна довольно крупнаго жем-

чуга. Въ центрѣ укрѣпленія—остатки большихъ костровъ, окруженные слѣдами съѣстныхъ угощениі: костями лошадей, оленей, птицъ и множества рыбьихъ (остатки стерлядей и щучьи челюсти поразительной величины); тутъ же масса разбитой глиняной посуды—отъ ведерной вмѣстимости до величины наперстка—и костяная ложка. Покончивъ съ удовлетвореніемъ гигантскаго своего аппетита, жители не оставались праздными, и тутъ же около костровъ занимались: иные своимъ кустарнымъ производствомъ, —говоря это на томъ основаніи, что тутъ же найдены: желѣзные ножи, сверлила и грубо обдѣланныя и неоконченныя еще стрѣлы, свистки для приманки птицъ, а иные и игрой, потому что найденныя закругленные черепки и до сихъ поръ служатъ для игры, а найденныя костяныя издѣлія—подобіе шахматъ. Позади же укрѣпленія остатки каменныхъ привѣсокъ къ неводамъ, костяные ножи для чистки рыбъ говорятъ о хозяйственныхъ домашнихъ складахъ. Но я не буду подробно излагать всѣхъ находокъ и говорить о мѣстѣ ихъ расположенія: это интересно только для завятаго археолога. Скажу еще разъ о томъ удовольствіи, какое чувствуется человѣкомъ при разборкѣ всего этого оставшагося хлама—это напоминаетъ, то удовольствіе ребенка, которое онъ испытываетъ, присутствуя при разборкѣ въ ящикѣ своей бабушки.

III.

ИСКЕРЪ.

Кучумъ бѣжалъ, но не до него было Ермаку и дружинѣ его; только что окончившаяся битва одного противъ десяти не шутка, а потому извинительно было подумать и объ отдыхѣ; кромѣ того нужно было подобрать изъ кроваваго болота своихъ товарищей, еще живыхъ помочь, а умершихъ предать честному погребенію.

Въ различныхъ мѣстахъ были колыбели людей, павшихъ тутъ, а общее дѣло уложило ихъ въ одну общую братскую могилу.—Гдѣ она; гдѣ кости этихъ храбрецовъ? Ни лѣтонисъ, ни преданіе ничего намъ не говорятъ; но правъ былъ Ермакъ, сказавъ на со- вѣтѣ, что, „если Всемогущій Богъ намъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не осудѣетъ въ тѣхъ странахъ“.... Память 107 героевъ, павшихъ при Чувашскомъ холмѣ, сохраняется и ежегодно въ первую недѣлю великаго поста въ Тобольскомъ соборѣ вѣстается имъ вѣчная память.

Несется Кучумъ къ столицѣ своей. „Царь же Кучумъ“, сообщаетъ Строгановская лѣтопись, „вѣда

свою гибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ съ горькимъ плачемъ; о мурзы и уланове! побѣжимъ, не медлимъ—сами бо видимъ своего царства лишеніе: сильніи наша изнемогла и храбриіи воины—все побіени быша! О, горе мнѣ! что сотворю? или камо бѣжу! покры срамота лице мое! Кто мя побѣди—и царства моего лишихъ? простыхъ бо людей послаша на яя Строгонови изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, не со многими своими людьми и ты насъ, нашедъ, побѣди и только намъ зла сотвори: войнство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива отъ насъ уведоша, и меня самого посрами и отъ царства моего отогна!

Нытъ не могу я представить себѣ Кучума „съ горькимъ плачемъ“, особенно съ тѣхъ поръ, какъ привелось мнѣ видѣть умирающихъ, раненныхъ и идущихъ въ плѣнъ Ташкенцевъ. Кучумъ представляется мнѣ въ образѣ одного старика, поразившаго меня при взятіи русскими Аульета: раненный нѣсколькими пулями и штыкомъ, величественно и гордо сидѣлъ онъ въ лужѣ изъ своей крови съ блѣднымъ, старческо красивымъ и спокойнымъ лицомъ; перебирая четки, цвѣторчалъ онъ имя Аллаха, по волю котораго все случившееся должно было случиться. Такимъ именно представляю я себѣ Кучума, несущагося изъ сврага въ сврагъ къ своей столицѣ. Гудитъ осенній вѣтеръ, словно погребальную пѣсню поеть; клонять свои головы хвойные колоссы, съ почтеніемъ, какъ и придично великимъ, прощальсь съ павшимъ царемъ; желе-

стать, какъ бы пересмѣивался, низкіе кусты, но не до голосовъ природы, но до окружающихъ ближайшей бѣгущему царю; быть можетъ просвѣты межъ деревьями Соусканскаго холма и нехожи на тѣни, погребеннаго здѣсь Эдигера съ родней, убитыхъ Кучумомъ. Быть можетъ кровавья пятна осенней днствы среди темной тѣни деревъ и напоминали ему, что онъ „побѣдихъ во градѣ Сибири князей Эдигера и Бекбулата... приходъ и побѣдихъ, ни отъ кого же посланъ користи ради и величія“. Если и думалось это ему, то не прочесть думъ бѣглеца, несущагося впередъ и впередъ и съ каждой минутой исчезающаго во мракѣ темной осенней ночи. Но потъ и огни его сегодня, валы и рвы его творили — онъ дома. „Прибѣже во градъ, даръ же Кучумъ взя мало и что отъ сокровищъ своихъ и вѣданаея невозвратному бѣгству со вѣслии вои своими, градъ же свой Сибирь оставиша пустъ“.

26-го октября дружина Ермакова, отдохнувъ и покончивъ дѣла свои, послѣ общаго совѣта и обычной общей молитвы, оставила свою стоянку и изъ Подъ Чуваша двинулась по слѣдамъ Кучума къ Сибири. Со всѣхъ сторонъ укрѣпленный городъ, отчасти природой, отчасти искусствомъ, предсталъ предъ пришедшими туда казаками, кругомъ тишина и безмолвіе „не бѣ во градѣ ни какого гласа“. Вадумались Русскіе: „и мнѣше собѣ казаки, яко лукавствуютъ по рани кады ними и мѣшто лукавнующе“. Но какъ уже извѣстно читателю, лукавства тутъ никакого не было, только то, что павика, овладѣвшая всѣми послѣ-

Чувашской битвы, медьлала подобную твердню, могущую уложить во рвахъ Искера половину нападающихъ храброцовъ, пустою. И 26 числа Ермакъ вступилъ въ Кучумову столицу — „во градъ Сибирь въ лѣто 7089, (1581 г.) октября дня 26, на память святого великомученика Дмитрія Солунскаго“.

Здѣсь будетъ кстати слѣдующее отступленіе: въ г. Березовѣ (нынѣ въ Омскѣ) хранится древнее знамя Ермака — это большая квадратная хоругвь съ полями 2 арш. 6 вер.; на одной сторонѣ ея изображенъ Архангелъ Михаилъ на красномъ крылатомъ конѣ, поражающій копьемъ діавола и низвергающій дома и башни въ волны, на другой св. Дмитрій на темнозеленой лошади, низвергающій копьемъ въ пропасть Кучума на бѣлой лошади. Матерія, краски и самый пошибъ письма, все это положительно древнее и пахнетъ вѣками, остается рѣшить мудрецамъ нашимъ: въ изображеніи св. Дмитрія было ли предчувствіе иконописца, что именно въ этотъ день Кучумъ падеть, или Ермакъ поручилъ изобразить это знамя уже послѣ, въ память взятія города Сибиря?

Мнѣ бы желательно было представить читателю картину этой столицы: на темнѣющемъ, заросшемъ кедринами и пихтой тридцати саженномъ пьедесталѣ дворецъ царя, мечеть съ высокими минаретами, дворцы его приближенныхъ и проч. и проч. словомъ всю брошенную роскошь роскошнаго царя Сибиря; но какъ неувлекается воображеніе, а истерія и историкки удерживаютъ полетъ фантазіи. Историкъ Сибиря Миллеръ, посѣтившій это мѣсто около полутораго лѣта

тому назадъ, такъ говорить: „отъ дворовъ, или отъ другого какого строения, ни какихъ слѣдовъ болѣе не видно, какъ только, что по разнымъ мѣстамъ, отъ неровности земли, разсуждать можно, что какое нибудь строеніе прежде тамъ находилось. Дворы, по обыкновенію, сибирскихъ татаръ построены либо деревянныя, либо, по бухарскому обыкновенію, изъ незжонныхъ кирпичей, потому что съ того времени вовсе пропало“...

Очевидно, почтенный историкъ производилъ осмотръ этой мѣстности только нагляднымъ образомъ, мы же имѣемъ въ рукахъ обломки кирпичей большой величины; прекрасно обожженные такъ, что не худо бы было эту археологическую древность имѣть нашимъ современнымъ кирпичнымъ заводчикамъ, авось бы ихъ произведенія покрасивѣли отъ стыда и ожесточились бы при видѣ вражьяго продукта хоть на половину того, на сколько жестокъ кирпичъ Кучума.

И такъ съ 26 октября:

Царь Кучумъ въ стѣняхъ горюетъ

По своемъ богатомъ царствѣ,

А въ большихъ его палатахъ

Казаки сидятъ за чарой,

Поминаютъ Русь святую

И московскаго царя.

Впереди сидитъ начальникъ

И большой ихъ воевода,

Первый въ боѣ и совѣтахъ

Тотъ Ермакъ ли Тимофеичъ....

Справа— грозный воевода

Атаманъ Кольцо отважный,

Буйну голову повѣсивъ;
Слѣва—весель и расгулень
Съ полной чарою глубокой
Атаманъ Гроза сидитъ.
На другомъ концѣ пируютъ
Три другіе атамана:
Мещерякъ, Михайловъ съ Паномъ.

(П. П. Ершовъ).

Къ этимъ историческимъ именамъ прибавимъ еще безъ именныхъ пять священниковъ и одного монаха, а для полной картины мира походную музыку, бывшую, по словамъ историковъ, въ дружинѣ Ермаковой. Не погрѣшая противъ истины, можемъ прибавить, что всѣ присутствующіе одѣты щегольски и богато (въ этомъ порукой намъ лѣтописи), а щегольство и богатство того времени таково: сверхъ короткой рубашки, вышитой шелками и даже золотомъ на рукавахъ и воротникѣ, которые составлялись изъ подъ одежды, надѣто узкое и короткое полукафтанье, едва достигающее до колѣнъ, сшитое изъ тонкой матеріи, съ бархатнымъ или парчевымъ высокимъ стоячимъ воротникомъ. Сапоги короткіе, по большей части изъ Персидскаго сафьяна, остроносые, съ высокими каблуками.... (Олеарій)

Самъ Ермакъ плечистый, средняго роста мужчина, плосколицый, съ черною бородой, немного кудреватъ; если ко всему этому прибавимъ, что Ермакъ былъ велемудрый риторъ, то этимъ и истощимъ весь запасъ нашихъ свѣдѣній о личности завоевателя Сибири. О другихъ его сподвижникахъ мы и того не

имѣемъ; знаемъ только гдѣ, и когда, при какомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ свою буйную голову сложилъ.

За палатами жь Кучума

На дворѣ большомъ—гуляютъ

Удалые казаки...

Эта масса, выдѣлившая изъ своей среды Ермака съ вышеупомянутыми его помощниками, для насъ представляется безформенною кучей

Смѣсью одеждъ и лицъ,

Племень, нарѣчій, состояній!

Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ....

сплоченной въ одно желѣзною рукою Ермака и дисциплинированная имъ различными способами, начиная съ позорной выставки передъ товарищами и кончая смертною казнью.

Не долго пришлось раздумывать о своемъ будущемъ новымъ владѣльцамъ столичнаго града Сибири: едва успѣли они осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, добычу свою подѣлить, жилищамъ татарскимъ русскаго духу придать, какъ ужъ двигался къ нимъ караванъ вѣтвисто-рогихъ, влача за собой легкія нарты съ людьми и поклажей—это былъ князь остятскій Бояръ съ поклономъ и дарами новому владѣльцу Ермаку. Ласково встрѣтилъ прибывшихъ новый владыка, принялъ дары, угостилъ, обласкалъ ихъ, а тѣ обѣщались платить ему дань и въ вѣрномъ подданствѣ къ нему оставаться, въ чемъ и клялись, а для клятвы такой былъ обычай: вынесли знамя, острою саблей собаку разсѣкли, и кровавую саблю подъ знаменемъ цѣловаль присягавшій.

Конечно, угощенный и обласканный Боярь не замедлил добрую рѣчь распустить о пришельцахъ „и хнози начаша приходити татарова съ женами и дѣтьми; и начаша жити въ первыхъ своихъ домѣхъ“.

Укладывалась жизнь Сибиряковъ въ старое свое русло, изъ котораго выгнало ихъ нашествіе неожиданныхъ гостей. Да и жизнь самихъ этихъ пришельцевъ начала укладываться въ русло исконнаго русскаго быта, изгнанная оттуда на своей родинѣ буйной волей непокорливой. Теперь на этомъ холмѣ, въ стѣнахъ этого царственнаго города они могли снова войти въ колею семейнаго уклада, имъ нечего уже было бояться, что противъ нихъ:

Супостать злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ отъ Казани часты высылки,
Высылаетъ все высылки стрѣлецкія....

(Старая разб. пѣсня).

Теперь могли они сказать про себя дѣйствительно, а не въ ироническомъ смыслѣ:

„А мы братцы, вѣдь не воры, не разбойники,
Мы люди добрые“....

Позади себя они считали уже страданіе за святую Церковь, за вѣру православную.

О дальнейшемъ пребываніи здѣсь Ермака съ товарищами мы будемъ говорить далѣе; теперь же посмотримъ на это мѣсто въ его настоящемъ видѣ.

Покойный П. П. Ершовъ такъ описываетъ дорогу; ведущую изъ Тобольска по направленію къ Искеру:

„Вотъ дорога столбовая,
Въ перспективной красотѣ

По холмамъ перебѣгая,
Исчезаетъ въ высотѣ.
Что за роскошь, что за нѣга,
Между поля и лѣсовъ,
Въ вихрѣ молнійнаго бѣга
Мчатся прытью скакуновъ!
Прихотливо прахъ летучій
Темнымъ облакомъ свивать,
И громаду пыльной тучи
Свѣтлой искрой разсѣкать!
Съ русской мощною отвагой
Беззаботно съ вышины
Низвергаться въ глубь оврага
Всѣмъ наклономъ крутизны!
И опять гремя телѣгой,
По зыбучему мосту
Всею слою разбѣга
Вылетать на высоту!....
Вотъ блеснула муравою
Шелковистые луга,
И бѣгутъ живой волною
Въ переливѣ вѣтерка;
Здѣсь цвѣточной выются нитью,
Тутъ чернѣютъ тѣнью рововъ,
Тамъ серебряною битью
Осыпаютъ грань холмовъ....
Вотъ широкою стѣною
Поднялся вѣтвистый лѣсъ,
Обхватилъ поля собою
И въ сѣдой дали исчезъ.

Вотъ поскотина; за нею
Поле стелется; а тамъ.
Чуть сквозь тонкой паръ синѣя
Домы мирныхъ поселянъ.
Ближе къ лѣсу—чистополье
Кормовыхъ луговъ, и въ немъ
Въ пестрыхъ группахъ на раздольѣ
Дремлетъ стадо легкимъ сномъ.
Вотъ залѣсье: тутъ свѣтлѣетъ
Нива въ зелени луговъ.
Тутъ подъ жаркимъ небомъ зрѣетъ
Золотая зыбъ хлѣбовъ,....
А вдали, въ струяхъ играя
Переливомъ всѣхъ цвѣтовъ,
Блещетъ лента голубая
Черезъ просѣку лѣсовъ“.

Миновавъ деревню Алемасову, съ версту приходится ѣхать по заросшимъ колеямъ дороги; съ лѣва—„золотая зыбъ хлѣбовъ“, гдѣ „колеблемый порою перелетнымъ вѣтеркомъ, колось жатвенный въ покоѣ наливаются зерномъ“; на право „блещетъ лента голубая черезъ просѣку лѣсовъ“. Мы идемъ по мѣсту, какъ говоритъ преданіе, занятому прежде жилищами воиновъ Кучума, дорога оканчивается у изгороди, за которой существуетъ не большой оврагъ, оканчивающійся почти отвѣсной стѣной—мѣстомъ бывшей резиденціи Этигера, Кучума, Ермака, Алея и Сейдекъ Бекбулатова.

300 лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пало Кучумово царство, и отъ холма, на которомъ

была его столица, едвали осталась и четверть. На ииѣющемся у меня планѣ, снятомъ 60 лѣтъ назадъ, уже нѣтъ многого: курганъ, по всей вѣроятности бывшій въ срединѣ города и означенный на картѣ на самомъ обрывѣ, теперь уже не существуетъ; ямы, означенныя въ 15 саженьхъ отъ обрыва, въ настоящее время на самомъ краю его; пройдетъ еще не много лѣтъ и этотъ холмъ будетъ существовать только въ преданіи, на планахъ да фотографіяхъ. При первомъ посѣщеніи этотъ холмъ ни чѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему въ окрестностяхъ Тобольска, сооруженныхъ самой природой: но, пробывъ тутъ дня два, три, ориентирнешься и ясно видишь дѣло рукъ человѣческихъ: въ сорока пяти саженномъ оврагѣ различаемъ и рвы, и валы, и искусственный путь къ р. Сибиркѣ и легендарному колодезю, и дѣлаются понятными бревна, торчащія въ обрывистой стѣнѣ холма. Я не буду описывать панорамы, открывающейся передъ глазами посѣтителя этой мѣстности—тутъ нужны не слова, а краски и кисть въ рукахъ художника.

Скользи по заросшему полыпью и клубничникомъ склону, не безъ труда поднялись мы на городище, заросшее дикорастущими травами—ширь попорамы, растилающаяся подъ ногами, кружатъ голову и съ невольнымъ страхомъ держишься по далѣе отъ края обрыва. Длина холма не болѣе 120 сажень, заканчивается острымъ мысомъ. Поддавшись царящей здѣсь тишинѣ, молча, какъ по кладбищу, прошли мы это мѣсто, путаясь въ травѣ и обходя жилища му-

Гавьевъ, единственныхъ современныхъ обитателей бывшей столицы. Еще разъ полюбовавшись широкой картиной, мы спустились въ главный ровъ, а затѣмъ повернули на право, и потонули въ цвѣтахъ и зелени;—тропинка, ведущая къ колодцу и Сибиркѣ, густо заросла, тутъ были: голубые дельфинки выше человеческого роста, золотился царскій скипетръ, скромно выглядывала изъ зелени *Lilium martagon*, или по сибирски сарана, ятрышникъ съ своимъ благоухающимъ запахомъ, роскошная листва напоротниковъ, мать-мачихи, лабазника, малинника, усыпаннаго ягодами; все это путалось, перемѣшивалось и представляло прекрасный, хоть нѣсколько затруднительный, спускъ; изъ подъ ногъ выскакивали лягушки, и вспоминались дѣтскія сказки о царицѣ, обращенной въ лягушку, вспоминались и стихи Ершова:

И царица молодая
Съ разгорѣвшимися щеками
Вновь мелькнула по дорожкѣ
Легкой серною на холмъ...

Вотъ и конецъ спуска. Передъ нами въ густыхъ заросляхъ осоки и массы съ крупными голубыми цвѣтами незабудокъ журчить Сибирка, пробивая себѣ путь чрезъ навалившіеся въ нее стволы старыхъ деревьевъ; на право колодезь, который нѣкоторые считаютъ подземнымъ ходомъ, и куда, какъ говоритъ преданіе, спасавшійся бѣгствомъ Кучумъ, бросилъ часть своего богатства. Въ настоящее время, благодаря неумѣлымъ археологамъ, срубившимъ защищавшія его деревья, онъ почти цѣликомъ затянута

глиной, десять же лѣтъ назадъ мы видѣли прекрасно сохранившуюся окладку изъ толстыхъ досокъ лиственницы; эта окладка шла съ трехъ сторонъ, съ четвертой же, со стороны холма деревянная окладка на второмъ аршинѣ сверху обанчивалась подгнившимъ бревномъ. Находившаяся тутъ вода мѣшала изслѣдовать былъ ли туда дѣйствительно ходъ, но длинный шестъ идетъ туда и не касается никакой стѣны. Этотъ колодезь, по словамъ старика крестьянина, былъ сверху обложенъ каменными плитами.

— „На моихъ памятяхъ“, говорилъ (въ 1880 г.) старикъ, были тутъ каменные плиты—крестьяне Алексовскіе разобрали въ печи, да видно зарокъ былъ у татаръ наложенъ: всѣ перемерли, которые плиты-то взяли,... не приведи Богъ и богатство его искать“.

Сдѣлавъ набросокъ колодца и напившись ледяной воды изъ Сибирки, двинулись мы, по теченію ея, огибать холмъ Искера и пришли къ ея впаденію на солнечный свѣтъ, не проникавшій въ ущелье Сибирки. Чрезвычайно характерно выглядитъ утесъ Искера, если смотрѣть на него съ того мѣста, гдѣ Сибирка впадаетъ въ Иртышъ.

Отступившій въ свои обычные берега, Иртышъ дозволилъ намъ сдѣлать прогулку у подножія холма, и мы двинулись на западъ, постоянно перешагивая небольшія канавки, въ которыхъ по охристому грунту сочились ключи чрезвычайно холодной воды. Береговой грунтъ, составившійся изъ постоянно обваливающегося нагорнаго берега, былъ для насъ очень интересенъ, и мы почти на каждомъ шагу накло-

лись, чтобы поднять из всосавшей почвы какуюнибудь, бросавшуюся в глаза, вещь; но, большею частью, снова бросали ее, такъ какъ куски и кусочки бураго, охристаго желѣзняку своими причудливыми формами вводили насъ въ обманъ. Трофеями этого похода были: небольшой зубъ мамонта, обломокъ чугунаго котла, окаменѣлое дерево и костянная стрѣла; видѣли куски человѣческаго черепа, развалившася по швамъ, но останавливаться надъ нимъ à la Гамлетъ не сочли удобнымъ: береговая стѣна постоянно давала намъ предостереженія въ видѣ снисходящихъ сверху пыльныхъ облачковъ, окружающихъ катящіяся оттуда, глыбы земли; а потому, не желая едѣлаться сами предметомъ изысканій будущихъ археологовъ, мы снѣжили добраться до Алемасовскаго подъема. Здѣсь обратили на себя вниманіе лежація на берегу грузила, обдѣланныя въ деревянныя рамы, глыбы плавленнаго чугуна той же формы и того же качества, какъ и найденныя нами при раскопкахъ на Чувашскомъ мысу. По ущелію начали мы подниматься на гору. Круто идущая узенькая тропинка, постоянно прерываемая глубокими канавками, вотъ единственный путь къ рѣкѣ, по которой Алемасовскія крестьянки таскаютъ во всякую погоду коромыслами воду для себя и, вѣроятно, для своихъ животныхъ, потому что врядъ-ли какая скотина рѣшится идти по подобному головоломному пути.

Чтобы не потерять даромъ вечеръ, отправились мы въ деревеньку Котину (въ двухъ верстахъ отъ Искера), состоящую изъ двухъ дворовъ, принадлежа-

шихъ братьямъ Котинымъ. Черезъ лѣсъ, или лучше сказать черезъ паркъ запяки Тизенгаузенъ (нынѣ Абалацкаго монастыря), мы скоро достигли желаннаго мѣста: домики оказались пустыми, только громадная цѣпная собака, бросившаяся на насъ, да двое мипіаторныхъ голоногихъ ребятъ, бросившихся отъ насъ, были живыми субъектами этой мѣстности.

Видѣть Искеръ и не побесѣдовать съ Котиными, было для насъ не малымъ разочарованіемъ. Котины ведутъ свой родъ отъ казака, пришедшаго съ Ермакомъ и получившаго, какъ говоритъ ихъ родовое преданіе, отъ завоевателя Сибири въ потомственное владѣніе всю землю, принадлежащую деревнѣ.

Слѣдующіи поколѣвія оформили эту дарственную и владѣли землей до конца прошедшаго столѣтія; пожаръ, бывшій у Котиныхъ, истребилъ ихъ документы, а пожаръ Тобольска (въ 1788 г.), уничтожившій архивы, сдѣлалъ ихъ окончательно бездоказательными землевладѣльцами и низвелъ на степень крестьянъ, платящихъ подати и владѣющихъ землей на правахъ всѣхъ вообще крестьянъ.

Лишившись возможности побесѣдовать лично съ этими остатками отъ историческаго прошлаго, мы здѣсь говоримъ о нихъ только со словъ другихъ: родъ Котиныхъ не вымиралъ и не умножался: лишь только въ семьѣ подрасталъ работникъ мужскаго пола, какъ старшій въ родѣ умиралъ. Не смотря на большое количество хорошей земли со всѣми угодьями, широкая натура съ казацкимъ стремленіемъ—не думать о будущемъ—держитъ ихъ на степени посред-

ственного крестьянскаго благосостоянія. Сохраняя и передавая дѣтямъ о своемъ родоначальникѣ, хранятъ-ли они какія другія преданія о прошломъ? На этотъ вопросъ мнѣ не дали отвѣта.

Походивъ по Котинскимъ владѣніямъ, осмотрѣвъ небольшіе курганы съ ямами, мы возвратилсь домой.

Второе утро мы посветили осмотру кладбищъ. Какъ разъ противъ колодца на лѣвомъ берегу Сибири есть ровная зеленѣющая площадка, составляющая уступъ горы: на старомъ планѣ эта мѣстность обозначена названіемъ „древнее кладбище“: большія продолговатія ямы—вотъ все, что только можно здѣсь видѣть. Невольно рождается мысль, не кладбище ли это русскихъ, умиравшихъ на Искерѣ: во первыхъ лѣтописи, говоря о смерти князя Семена Волховскаго, указываютъ на мѣсто его погребенія „и погребень бысть въ Сибири“; во вторыхъ, зная какъ чтутъ татары своя кладбища, трудно предположить, чтобы они оставили это мѣсто въ такомъ заброшенномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько далѣе, на самомъ верху горы, у нихъ покоится прахъ какого-то чтимаго святаго; куда они дважды въ годъ съѣзжаются со всѣхъ окрестностей творить поминки и молиться цѣлую ночь.

До 29-го мая 1881 года тамъ стояла небольшая молельня, но въ этотъ день по словамъ однихъ—отъ неосторожности, а по словамъ другихъ—по злобѣ, загорѣлся преображенскій лѣсъ и онъ и намятники татарскіе уничтожились. Тяжелое чувство охватило насъ при видѣ черныхъ обгорѣлыхъ ство-

ловъ съ поднятыми вверхъ вѣтвями, словно воздѣтыя руки къ небу съ молитвой: да ниспошлетъ оно русскому человѣку болѣе бережливости къ своему природному богатству:

Перебравшись снова на Искеръ, мы сдѣлали измѣреніе самаго широкаго его мѣста. Миллеръ 160 лѣтъ тому назадъ нашёлъ здѣсь 50 сажень, на нашемъ планѣ двадцатыхъ годовъ обозначено 40, а мы нашли только 15. Пусть же люди математическаго разума исчислятъ годъ окончательнаго исчезновенія нашего историческаго памятника. Оканчивая измѣреніе, мы бросили взглядъ внизъ и замѣтили сильно вдавшійся въ рѣку мысъ—вчера при нашей прогулкѣ его не было, ночной обвалъ придалъ новую обстановку этой мѣстности: по желтѣвшему безжизненному склону въ настоящее время тамъ и сямъ зеленѣли небольшія красивыя группы калины, черемухи, перевитой хмѣлемъ рябины, и торчали остатки плетня, стоявшаго вчера еще далеко отъ края, кое гдѣ сквозь желтизну почвы прорѣзывались бѣлыми пятнышками человѣческія кости, значить, и на этомъ мѣстѣ „жилица воиновъ“ было когда-то кладбище. Теперь верхнимъ краемъ обрыва служило только-что вспаханное подъ озимъ поле, часть крестьянскихъ трудовъ была ужъ подъ горой. Подобная картина, конечно, не поощряла къ дальнѣйшимъ прогулкамъ по берегу. обильному разными остатками отъ различнаго прошлаго, начиная съ доисторическаго мамонта и кончая не историческимъ зубцомъ отъ Алемасовской бороны; но мысль о томъ, что ходять же другіе, авось...., и

это великое слово придало намъ храбрости спуститься и двинуться вдоль берега къ юго-западу. Цѣлью нашего путешествія былъ Соусканскій мысъ.— историческое мѣсто съ древнимъ, чтимымъ татарами, кладбищемъ; тамъ, какъ говорилъ намъ старикъ крестьянинъ, близъ одной вѣковой, въ обхватъ березы, стоитъ каменная плита съ надписью, которую ни татары ни русскіе прочесть не могутъ. И плита эта все растетъ и растетъ.

Мы улыбнулись.

— Ну, да вотъ вамъ смѣшно, а вотъ, когда я мальчишкой былъ, такъ она съ меня была ростомъ, я выросъ, а она опять съ меня ростомъ.

Въ послѣдствіи увидѣвъ эту плиту, мы заочно извинились передъ старикомъ крестьяниномъ въ своемъ недоверіи къ его словамъ.

Декорации нашего пути тѣ же самыя, что вчера: на лѣво зеркальный Иртышъ, справа угрожающая обваломъ тридцатисаженная стѣна; та же почва подъ ногами, перерѣзанная ключами. Путь оказался не такимъ близкимъ, какъ это мнилось намъ съ Кучумовой горы: солнце, стоявшее высоко при нашемъ спускѣ на берегъ, бросало уже длинную тѣнь отъ берега на рѣку, когда мы добрались только до половины— до лѣсистыхъ береговъ деревни Соляной. Здѣсь тишина и безмолвіе, сопутствовавшія намъ прежде, были нарушены грозными окриками съ высоты, къ намъ неслись оттуда совѣты, пересыщенные бранью, убираться отъ ихъ мѣстъ подальше, въ противномъ-де случаѣ встрѣтятъ насъ ружьями. Удивленные столь

воинственной отвагой мирныхъ доселѣ жителей, мы подняли головы и остановились полюбоваться картиной: вершина стѣны увѣнчанная деревьями, сквозь которыя пробивались лучи солнца, была очень эффектна; слой же земли, скрѣпленный корнями и травой, висѣлъ драпировкой надъ блѣдно-желтой голой стѣной; изъ подъ этого навѣса, спугнутыя крикомъ, безпокойно шныряли бѣлыя птицы—это, по словамъ моего спутника туземца, были, такъ называемыя здѣсь, „полуночники“ величиной съ ивдѣйку, какъ говорилъ онъ, и отъ одного конца крыла до другого болѣе двухъ аршинъ. Сулоцкій при описаніи Абалацкаго монастыря замѣчаетъ, что нѣкоторые полагаютъ, что названіе мѣсто Абалакъ произошло отъ бѣлой совы, которая по татарски называется ябалакъ и которыхъ, будто-бы тутъ много.

Брань и крики невидимыхъ враговъ нашихъ продолжались и сообразивъ, что они могутъ гораздо лучше всякаго ружья удружить намъ, спустивъ на наши головы глыбу земли, мы прервали свое эстетическое созерцаніе и двинулись дальше.

Конецъ нашего пути при Соусканскомъ мысѣ представлялъ зеленѣющую, или правильнѣе сказать, вестрѣющую цвѣтами террасу, къ которой примыкалъ, заросній деревьями, полого спускающійся мысъ.

Возвращавшійся съ работы крестьянинъ остановился здѣсь, чтобы накосить себѣ цвѣтоваго сѣна. При ближайшемъ нашемъ знакомствѣ онъ оказался очень любезнымъ крестьяниномъ: за очень ничтожную плату согласился отвѣсти насъ домой, а узнавъ цѣль

нашей прогулки, онъ, поручивъ свою лошадь бывшимъ съ нимъ дѣтямъ, тотчасъ же повелъ насъ къ самому лѣсу, гдѣ, въ густыхъ заросляхъ кустарниковъ, подъ тѣнью вѣковыхъ березъ, ютились характерныя татарскія надгробныя загородки. По его словамъ, искомый нами камень стоялъ подъ березой еще нынѣшней (1881 г.) весной.

Мы отыскали и березу, далеко недостигающую въ своемъ объемѣ человѣческаго обхвата, какъ гдворилъ намъ старикъ, плита разбитая на двѣ неровныя части, лежала на полу; приставивъ ее къ дереву. я принялся за набросокъ: длина плиты была съ небольшимъ два аршина, ширина около трехъ четвертей, толщина въ ладонь, верхній конецъ ея былъ закругленно-заостренъ. На немъ былъ красивый, въ восточномъ вкусѣ, выпуклый орнаментъ, подъ которымъ шли въ углубленіяхъ строчки восточныхъ рельефныхъ буквъ, буквы и орнаментъ, судя по остаткамъ, были когда-то вызолочены, а углубленія между ними покрашены черной краской. Орнаментъ и надпись занимали $\frac{2}{3}$ плиты. Кромѣ того съ боку, тоже въ углубленіи, была еще надпись, по характеру буквъ, различавшаяся отъ главной. Кромѣ этихъ рельефныхъ, подъ ними было еще нѣсколько, безпорядочно разбросанныхъ, мелкихъ врѣзанныхъ надписей. При тщательномъ осмотрѣ камня мы пашли, что двѣ трети его сверху значительно вывѣтрившись и покрыты наростами лишаяевъ, а нижняя часть совершенно нова и свѣжа и постепенно переходитъ къ древнему виду верхняго края. Затѣмъ, при осмотрѣ мѣстности, гдѣ

онъ стоялъ, мы нашли, что его мало по малу выпиралъ изъ земли толстый отростокъ корня.

Чтобы не возвращаться еще разъ къ этой плитѣ, мы здѣсь приведемъ о ней свѣдѣнія, добытыя нами позже: подъ этимъ камнемъ лежалъ прахъ Маметь Мурата Азбакѣва, Тобольскаго юртовскаго слугилаго татарина; дальнѣйшія строчки молили Бога объ успокоеніи его, въ боковой же надписи, по бухарски значилось, что памятникъ дѣлали въ Казани 1696 году.

Поколчивъ свое обозрѣніе, мы двинулись обратно. Что за прелесть этотъ узкій, пологій подъемъ въ густой аллеѣ изъ липъ, березъ и сосенъ! Что за прелесть картина на самомъ верху его! Справа густой лѣсъ, охраняющій крѣпко-сплотившіяся татарскія могилы; слѣва обширная панорама зеленыхъ луговъ, желтыхъ пятенъ хлѣбныхъ полей, озерковъ и рѣчешекъ, заканчивающаяся фіолетовымъ силуэтомъ далекаго Тобольскаго кремля, отчетливо рисующимся на золотистомъ, отъ только что скрывшагося солнца, фонѣ.

Чу! въ черемухѣ душистой

Безъ печали, безъ заботъ,

Перекатно—голосисто

Птичка вольная поетъ....

Какъ чудесна мать природа....

Все въ ней—жизнь и свѣтъ и звуки.

— Ни одного прутика, прерываетъ мою мечту возникій, не срѣжутъ эти татары, коли бурей дерево обронить, такъ тутъ и мохомъ обростетъ и сгниетъ тутъ.

— Глянь-ко, обращается къ намъ дочь его, дѣвочка лѣтъ 14, съ нѣжностію матери, укутывая своимъ шабуромъ маленькаго братишку, глянь-ко, малины то сколь стра-а-аеть, а ягодки не смѣй тронуть!

И смотримъ мы по ея указанію: колеса телѣги цѣпляются за малинникъ, и переспѣвшія ягоды какъ кровавыя слезы падаютъ на могилы почившихъ.

— Вотъ, тутъ кончается татарская земля, наша пошла, русская. Но и безъ словъ возняцы мы видимъ, что наша пошла—съ остатками пней, съ жиденькими корявыми порослями березняка.

Потянулись пашни съ заканчивающими работы крестьянами. Здѣсь мы узнаемъ причину непривѣтливыхъ окриковъ, слышанныхъ нами свыше во время берегового нашего шествія: изъ города отъ исправника гонецъ былъ, приказано обходы назначить: сбѣжали изъ тюрьмы двое арестантовъ.

— Въ саму ту горячу пору работу бросай, волновались крестьяне, да лови бѣглыхъ, которыхъ они тамъ не караулятъ, какъ слѣдуетъ.

Очевидно, что мы, двое безъ дѣла шляющіеся туриста, и были привѣтствованы на берегу, какъ бѣжавшіе изъ острога.

Хорошо было отдохнуть послѣ цѣлодневнаго странствованія по горамъ и оврагамъ. Мѣстомъ этого отдохновенія служитъ намъ, клонящаяся къ разрушенію, терраса барско-чиновнаго дома. Темно-синее небо съ показывающимися на немъ звѣздами громадной чащей прикрываетъ все, далеко видимое нами. пространство; темной стѣной стоятъ громадныя пихты и

ели, наполняющія теплый воздух своимъ смолистымъ ароматомъ; издали послышалась пѣсня Алемасовскихъ женщинъ, покончившихъ свою работу. Визгливо-крикливо-мелодія, конечно, ниже всякой музыкальной критики, но здѣсь при подобной обстановкѣ больно хороша она, и дополняетъ цѣлостность общаго, миротворно дѣйствующаго на душу. Ближе и ближе нѣвицы. и можемъ разобрать уже слова:

„Посадили раз-Алешу въ бѣло-каменный домокъ,
Въ бѣло-каменный домокъ, во Саратовскій острогъ
Посадили на недѣлю, просидѣлъ Алеша годъ!“

какъ видитъ читатель, авторъ этой пѣсни—зауральскій цивилизаторъ, язва нашего края. Нахально овь описываетъ автобіографію, самообольщаясь, что когда

Посадили раз-Алешу его задомъ напередъ.

Объ немъ всплакалъ весь народъ.

Слова этой пѣсни такъ не гармонировали со всѣмъ окружающимъ, что дѣлалось непонятнымъ, почему вснало на умъ, послѣ трудовъ своихъ затянуть именно эту пѣсню. Ужъ не испаренія ли, встающія туманами съ этой почвы, удобренной нѣкогда кровію подобныхъ раз-Алешъ, бывшихъ въ неподвижническихъ Ермаковыхъ рядахъ, повліяла на гѣвиць въ ихъ выборѣ романса.

Но раз-Алешу дружины Ермаковой, поселясь здѣсь, считали свое прошлое, сознаваемое ими преступнымъ. уже заглаженнымъ и врядъ-ли считали достойнымъ памяти.

Съ комфортомъ нравственнымъ—спокойной совѣстію и съ комфортомъ матеріальнымъ, добытымъ

побѣдами, начинали новую жизнь новые поселенцы града Сибири. Чтобы представить себѣ хотя туманную картину жизни нашихъ удалцовъ, сдѣлаемъ выписку изъ соч. Костомарова*). „Спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу. Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образъ, чтобы перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличіемъ, смотря на образъ. Тотчасъ послѣ оставленія постели, надѣвалось бѣлье, и начиналось умыванье, послѣ чего одѣвались и приступали къ молитвѣ; въ комнатѣ, назначенной для моленья, собиралась вся семья и прислуга, зажигали лампы и свѣчи, курили ладаномъ. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домовые священнослужители“, (а при Ермакѣ таковые находились), „молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ, послѣ утренняго богослуженія священникъ кропилъ святой водой, Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи, задергивали целены на образахъ, и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ“.

Въ ризницѣ Тобольскаго собора хранится небольшой поставецъ съ иконами Ермака,**) къ сожалѣнію

*) Очеркъ домашней жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

**) Ермаковыхъ иконъ въ соборѣ прежде было и не мало: но однѣ изъ нихъ, какъ замѣчательныя исторически, преосвященными Тобольскими отправляемы были для поднесенія Государямъ Императорамъ по случаю востества ихъ на престолъ или коронаванія, а другія розданы въ благословенія важнымъ лицамъ напр. Сибирскимъ Губернаторамъ и проч. Прот. Сулоцкий.

неразумный реставраторъ уничтожилъ древнюю иконную письменность масляными красками.

Возвратимся къ Костомарову. „Въ утреннее время считался нужнымъ обойти службы.... возвратившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкого, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбиралъ дѣла между слугами... Въ полдень наступало время обѣда, послѣ чего ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлечения“.... Между развлечениями небольшую роль играли: кулачные бои, и „игры имѣвшія дѣлю выигрышъ: зернь, карты, шахматы и тавлеи или пашки. Зернь были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ ихъ опредѣлялся ѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены... Зернь и карты были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири“. (Н. Костомаровъ).

Вотъ канва, по которой предлагаю читателю съ поэтическимъ воображеніемъ изобразить день Ермака и его сподвижниковъ на живописномъ холмѣ Искера. Какъ видимъ, не затѣйлива была жизнь нашихъ предковъ, разнообразившаяся только праздниками съ болѣе длинными моленіями, да съ болѣе обильными яствами и питьемъ,

И вотъ, должно быть, чтобы отпраздновать достойно чтимый русскими, день угодника Николая, (6 декабря) двадцать человѣкъ спустились 4 декабря

съ холма и отправились подъ Абалакъ на почевую, наловить тамъ рыбы.

Тридцать восемь сутокъ покойнаго житья во вновь завоеванной столицѣ, отовсюдныя заявленія покорности и дани, приучили казаковъ считать себя хозяевами и быть какъ дома безъ опаски. Но не считалъ ихъ за хозяевъ, оправившійся отъ ранъ. богатырь Махметъ-Куль. Заснувшимъ на рыбалькѣ, не пришлось проснуться: отъ временнаго сна, подъ ножами татаръ перешли они въ вѣчный покой. Понятно, какъ подѣйствовала эта новость въ Искерѣ: „Ермакъ же о семъ оскорбился много зѣло и на гнѣвъ подвижеся, и возъярися сердцемъ вельми, и повелѣ дружинѣ своей препоясатися оружіемъ и шедъ на брань“. Схватка съ нагнатымъ врагомъ была жестокая, „отъ смертныхъ поражений надають трупія мертвыхъ отъ обою сторонъ“. Ночь разлучила враждующихъ.

Вмѣсто праздничнаго пиршества, пришлось хоронить своихъ товарищей, и въ первый разъ огласился Искеръ печальною похоронною пѣснью; зазвучала похоронная на высококомъ холмѣ, спускалась въ логъ и снова поднялась къ послѣднему мѣсту вѣчнаго покоя*). Раскинулась передъ глазами хоронившихъ бѣлая ширь снѣговаго пространства, — ничтоженъ кажется въ сравненіи съ этой ширью и холмъ Искера,

*) Въ исторіи Карамзина сказано, что „тѣла убитыхъ похоронены на Сауксанскомъ (Соусканскомъ) мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее ханское кладбище“. Но въ этомъ позволятельно усомниться, такъ какъ во первыхъ, лѣтописи объ этомъ не упоминають, а во вторыхъ, Соусканскій мысъ не очешъ то близокъ къ Искеру (верстъ 7 или 8).

и не по пространству мала группа нашихъ казаковъ. Не мелькнуло ли въ душѣ Ермака при этой обстановкѣ: „убываютъ наши, убываютъ“. И не направилъ ли онъ впервые свое дальнозоркое око на западъ съ мыслію, какъ выражается П. Небольсинъ, (Покореніе Сибири): „Пронадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло“.

Зима.... кончился первый актъ драмы, актеры разошлись по своимъ уборнымъ:

Царь Кучумъ въ степяхъ горюеть:

Богатырь Махметъ-Куль предъ огнемъ татарскаго чувала воспоминаетъ свою прошлую неудачную игру и думаетъ крѣпкую думу; Ермакъ въ Искерѣ думаетъ о будущемъ; но туманно оно, какъ туманенъ весь пейзажъ, покрытый снѣгомъ, который какъ театральнй занавѣсъ невидимой рукою, тихо спускается на сцену, покрывая слѣды осеннихъ событій, кровію написанныхъ на страницахъ земли нашей: сыплется пушистый, засыпая и брошенный скарбъ на Чувашскомъ мнсу, и кровавое болото у подножія его, и кровь 20 рыбаковъ, пролитую подъ Абалакомъ, и гробовой холмъ, прикрывшій тѣла ихъ и придаетъ всему однообразный, пустынный видъ. Пуста сцена, отдыхаютъ актеры и въ этомъ антрактѣ вой буряновъ и волковъ, какъ мрачный оркестръ, играетъ мрачную увертюру.

Разлучила зима враговъ,—но ни по чемъ она кореннымъ сибирякамъ: чѣмъ крѣпче морозъ, тѣмъ быстрѣ бѣжитъ олень, побрякивая своимъ металлическимъ уборомъ и пощелкивая какъ кастаньетами

своими предкопытными косточками; чѣмъ крѣче морозъ, тѣмъ звучнѣе и веселѣе мелодія на крѣпкомъ снѣгу, подъ легкимъ полозомъ легкихъ нартъ. Крѣпкій морозъ—лучшая пора визитнаго сезона, и лѣтять къ Ермаку гости: князь Ишбердей съ Ескальбинскихъ болотъ, да Суклема, князекъ съ Тобола ѱрки; соболь, бобръ и другіе дары служатъ хорошей приправой къ ихъ увѣреніямъ вѣрно служить Ермаку и впредь съ ясакомъ появляться. Ласково приняты гости, обычный обрядъ ихъ присяги былъ совершенъ и пиромъ закончилось дѣло. Отраднo, коль въ зимнюю скучную пору къ намъ гости заѣдутъ, случай дадутъ угостить и при этомъ самимъ угоститься. Уѣхали гости, и снова въ Искерѣ все тихо; сидятъ казаки, укрывшіеся въ теплыя хаты, тѣшатся зернію, тавлей, а коль очень тепло разберетъ, выйдутъ на воздухъ крѣпкіе члены размять игрою кулачной; лишнею думой себя не трудятъ казаки: для этой работы, имъ необычной, есть голова Атамана. И за всѣхъ онъ думаетъ крѣпкую думу, да и много же думъ въ головѣ у него, а главная та, что и самъ то онъ знаетъ отлично, что здѣсь онъ одинъ голова, знаетъ и то, что, положимъ, быть головой хорошо и почетно: дани несутъ, отовсюду почетъ, и нѣтъ надъ тобой кромѣ Бога власти иной, живи въ свою вольную волю; все это ладно, что же потомъ то?

П. Небольсинъ, изучавшій и вдумывавшійся въ Сибирскія лѣтописи, о нравственномъ настроеніи Ермака въ это ихъ время, такъ говоритъ: „онъ видѣлъ въ себѣ творца неслыханнаго подвига: въ под-

вигъ этомъ онъ видѣлъ собственное дѣтище, которое онъ лелѣялъ, которымъ нельзя не дорожить. Естественно, что коль скоро для человѣка наступаетъ пора страхнуть съ себя всю мелочность жизни, подъ вліяніемъ сознанія собственныхъ силъ, при блескѣ собственнаго творенія, не эфемернаго, а вѣковаго. то вѣстѣ съ этимъ, неразрывно съ любовію къ своему созданію, въ человѣкѣ рождается предчувствіе опасности, скорбь—видѣть погибшимъ свой трудъ, взлѣбленный горемъ, лишеніями, плодами цѣлой жизни— и вслѣдъ за симъ возникаетъ потребность упрочить свой подвигъ“.

Да, хорошо жить Ермаку и знать, что нѣтъ надъ нимъ власти кромѣ Бога небснаго, жить въ свою волюшку, но.... и въ концѣ всѣхъ своихъ думъ порѣшилъ Ермакъ поклониться своимъ дѣтищемъ Царю Московскому. Пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло. благо и сама судьба наполняетъ приверженцами пространство между нами и русской землей. И намѣтилъ Ермакъ Инбердея, какъ человѣка, такъ кстати пришедшаго съ своей покорностію, который можетъ сослужить ему важную службу.

Чтожь могли сказать на рѣшеніе своего Атамана его товарищи совѣтники? Да, пожалуй, ничего иного и не могли сказать, кромѣ того, что влагаетъ имъ въ уста Ершовъ, хотя и при другомъ обстоятельстве:

„Гой, Ермакъ нашъ Тимофѣичъ!

Громко всѣ они вскричали:

Ты приказывать намъ можешь,
Мы послушники твои“....

И вслѣдствіе этого рѣшенія въ двадцатыхъ числахъ декабря на Искерѣ необычное движеніе, необычная обстановка, служащая не малой задачей для татаръ и татарокъ, которые „учали жить въ прежнихъ своихъ юртахъ“. Для чего согнано столько оленей, расположившихся группами и представлявшихъ своими вѣтвистыми рогами такую затѣйливую прорѣзь на бѣломъ фонѣ? для чего столько нартъ, употребляющихся для перевозки имущества? ужъ не уходятъ ли прочь пришлые люди, или не собираются ли войной на кого? Но на войну столько тюковъ съ богатомъ рухлядью люди-бѣ не взяли! А много выносятся изъ кладовыхъ, и сортируется и упаковывается этой рухляди: для одного Царя отложено 60 сороковъ соболей, 20 сороковъ черныхъ лисицъ, 50 сороковъ бобровыхъ шкуръ; а сколько еще на поклоны боярамъ, дьякамъ на поминки, да разнымъ чинамъ на гостинецъ! Казаки вѣдь русскіе люди, и знали отлично весь русскій обычай.

Въ то время какъ люди, попроще, съ дѣломъ укладки возлись, Ермакъ со своими, что разумомъ выше были въ дружинѣ его, слѣдятъ со вниманіемъ, какъ въ грамотѣ хитрый писецъ пишетъ кудрявымъ уставомъ посланье къ Царю. Но вотъ, онъ покончилъ, перо на обычное мѣсто за ухо воткнулъ и громко читать начинается:

„Всемилоствитаго, въ Троицѣ славимаго Бога“...
Крестомъ осѣнилъ себя авторъ, крестомъ осѣнились

Ермакъ, атаманъ и слушаютъ дальше. „Бога и пречистыя Его Богоматери и великихъ Чудотворцевъ вся Россіи молитвами,—тебѣ же государя Царя и великаго князя Іоанна Васильевича вся Россіи праведною молитвою ко всещедрому Богу и счастиемъ— царство Сибирское взяша, царя Кучума съ вои его побѣдиша и подѣ твою царскую высокую руку покоряша многихъ живущихъ иноземцевъ: Татарь и Остяковъ и Вогуличъ, и къ шерги ихъ, по ихъ вѣрѣ, привели многихъ, чтобы были имъ подѣ твоею Государскою высокою рукою до вѣка, покажѣтъ Богъ изволить вселеннѣй стояти,—и ясакъ давати тебѣ Великому Государю всегда, во вся лѣта безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслити, а которые похотятъ въ твою государскую службу—и тѣмъ твоя государская служба служить прямо, недругомъ твоимъ государскимъ не спускать, елико Богъ помощи сподаетъ, а самѣмъ имъ не измѣнить, къ царю Кучуму и въ иные орды и улусы не отѣхать, и зла на всякихъ русскихъ людей ни какова не думать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стояти“.

Кончилось чтеніе, Ермакъ, атаманъ грамоту эту доброй нашли и, умудренный отъ Бога талантомъ, писецъ принялся за новое слово „къ честнымъ людямъ къ Семену, къ Максиму и къ Никитѣ Строгоновымъ“.

Посѣщая Искеръ, читатель можетъ быть не разъ проходилъ по тому мѣсту, гдѣ писалось и читалось то, о чемъ только что мы сообщали; но ужь

давнымъ нѣтъ того мѣста гдѣ 22-го декабря 1581 года все живущее въ Сибирской столицѣ, взоромъ прощальнымъ слѣдила за, двигавшимся по безпредѣльному бѣглому полю, караваномъ. Конечно, не красота и оригинальность его занимала зрителей; всѣ сознавали, что съ этимъ посольствомъ начиналось для нихъ что-то новое. Было отъ чего людямъ съ состоятельнымъ умомъ подумать, а несостоятельнымъ почесать въ затылкѣ. Особенно была крѣпкая причина для думы начальнику этого посольства—удалому атаману Кольцо;—хоть и шумить въ головѣ отъ прощальныхъ чаръ, а нѣтъ, нѣтъ, да и проясниться: вотъ же къ новому знакомому Суклемъ князьку, тамъ отдохнемъ, да и далѣе къ Ишбердею князьку, а тамъ ужъ волчьей дорогой невѣдомой въ страны родные, знакомые; все тамъ знакомо намъ, да и мы то тамъ вѣдомы, самъ воевода.... но вліяніе прощальныхъ чаръ окончательно испаряется при воспоминаніи о воеводѣ. Кто поручится, что воевода Перенелицинъ не исполнитъ надъ нимъ повелѣнія, два раза повтореннаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ?

„Кто поручится, что воевода повѣритъ бѣглому казаку, не приметъ его вѣсти за сказку?... (Небольсяинъ)

Не весело, обыкновенно, расходятся проводившіе своихъ въ дальній путь, дороженьку; не шумно разошлась и толпа казаковъ къ своимъ обычнымъ дѣламъ.

Прошло два дня и на холмѣ въ первый разъ раздались вѣковые гимны о томъ какъ

„Вдругъ небеса освѣтились, и новое солнце
Звѣзда Вифліема, раздравъ полуночную ризу небесъ,
Явилась надъ мрачнымъ вертепомъ; и Ангелы стройно
Воспѣли хвалебные гимны во славу рожденнаго Бога“.
(Ершовъ).

Начались Рождественскіе праздники. Какъ они про-
водились здѣсь именно. — объ этомъ данныхъ нѣтъ.
По Карамзину „казаки и въ пути и въ столицѣ Си-
бирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и мо-
лились“. Какъ бы ни хотѣлось по этой канвѣ пред-
ставить себѣ казацкое праздничное времяпрепровожде-
ніе, но, стоя реальной ногой на этомъ реальномъ
холмѣ, невольно какъ-то смотримъ на жившихъ здѣсь
нѣкогда, лицъ, какъ на живыхъ людей, для кото-
рыхъ было-бы чудомъ отрѣшиться отъ прежнихъ сво-
ихъ свчаевъ и обычаевъ; а если лѣтописи представ-
ляютъ дѣйствительно то, что было, то почему такъ
скоро и безслѣдно испарилась вся ихъ не земная чи-
стота? Первый Сибирскій Архіепископъ Кирианъ, за-
ставшій еще живыми нѣсколько сподвижниковъ Ерма-
ковыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нашель и, поразившую его,
правственную расушенность.

Будемъ же смотрѣть на обитателей Искера, какъ
на обыкновенныхъ смертныхъ. отъ которыхъ, вѣроят-
но, не мало было въ окружности и слезъ, и горя, и
драмъ частныхъ. не вошедшихъ въ лѣтописи. да
едва ли и всегда доходившихъ до Ермака „караю-
щаго за всякое дѣло студное“.

Не долго въ этомъ году зима томила пришель-
цевъ: рано потянулись караваны птицъ къ сѣверу.

заигралъ походъ горнисть бродягъ— Кукушка, потянуло и нашихъ, непривычныхъ къ сидѣнью, казаковъ; не сталъ и Ермакъ долго томить свою дружину, собралъ онъ атамановъ своихъ и промолвилъ:

„Рано намъ еще на отдыхъ,
Наше дѣло начатое
Довершить сперва надлежить:
Мы Искеръ одинъ лишь взяли,
Остается взять Сибирь.
Грянулъ хоръ ему отвѣтомъ:
Гой Ермакъ нашъ Тимофѣичъ!
Громко все они кричали:
Ты приказывать намъ можешь
Мы послушники твои“....

И 5-го марта, пятидесятникъ Брызга съ отрядомъ двинулся по Иртышу на сѣверъ. Проводили и ихъ товарищи, пожелали имъ удачи и добра, и счастья-ваго возвращенія; а тамъ какъ „убо зимняя година пройде.... и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей присиѣвшу.... и рыбной ловлѣ и птичьей бывшу много множество“, то и оставшіеся дома безъ дѣла не сидѣли, а охотились и выслѣживали звѣря по лучше, да по крупнѣе.

А татаринъ Сенбахта Тангинъ, полагать надо, выслѣдилъ звѣря очень крупнаго: не даромъ онъ такъ таинственно пробирается къ нашему набольшому, не даромъ такъ много съ нимъ толкуеть, указывая Ермаку туда на югъ, туда, гдѣ въ настоящее время, въ ясный лѣтній день, близъ горизонта бѣлѣется маленькимъ пятнышкомъ Куларовскій храмъ. И надо

полагать, охота будетъ знатная, потому выбираются Ермакомъ 60 человекъ, молодець къ молодцу; и сипень, должно быть имъ намѣченный звѣрь, коли эти 60 молодцовъ вооружаются всеъмъ, что только есть лучшаго у нихъ подъ рукой; а снарядившись такимъ образомъ тихо безъ шума сѣли они въ свои лодки и двадцатаго апрѣля двинулись въ путь. Что то Богъ дастъ? думаютъ оставшіеся и ждутъ своихъ охотниковъ. Недѣлю пришлось ихъ ждать, и 28-го апрѣля веселы и радостны, съ богатымъ уловомъ, явились они въ Искеръ къ Ермаку.

„Будь здоровъ нашъ воевода!
Милосердіемъ Господнимъ
И казачьей нашей силой
Мы побили вновь невѣрныхъ:
На рѣкѣ на той, Вагаѣ,
Взяли мы Махмета-Кула
И старшинъ его въ полонъ“...

Не многословенъ былъ рассказъ много сдѣлавшихъ казаковъ о томъ, какъ: „пойдоша сіи воины и дошедше до стана ихъ и нанадона ноцію, овѣмъ спящимъ, овѣмъ же неснящимъ, и многихъ поганыхъ побина, и жива яша царевича Маметкула со всеъмъ богатствомъ“.

Вотъ гдѣ и вотъ какъ пришлось встрѣтиться двумъ богатырямъ, двумъ врагамъ непримиримымъ. Картина величественная, но нѣсколько дальнѣйшихъ словъ лѣтотписи—и изъ полумрака вѣковъ въ этой картинѣ выдвигается на первый планъ грандіозная въ своемъ нравственномъ величїи фигура Ермака:

„Ермакъ-же принять сего (Махметъ-Кула), повѣдаетъ же ему царское великое жалованье и улаживаетъ ласкосердыми словеса“.

Невольное прибытіе въ Искеръ на жительство такого желаннаго гостя, какъ Махметъ-Куль, развязало руки Ермаку; съ подобнымъ заложникомъ онъ ужъ не боялся ни Кучума ни Карачи и могъ безъ риску оставить свою столицу и предпринять экскурсію къ туземцамъ съ цѣлію покорять ихъ и ясакомъ облагать. И много въ этомъ году „подъ царскую высокую руку покориша Татаръ. Остяковъ и Вогуличъ, и къ шерти ихъ по ихъ вѣрѣ привели многихъ“. Конечно, при этомъ много Сибирскихъ туземцевъ улеглося въ кровавомъ бою: много ихъ пало при Тавдѣ рѣкѣ въ землѣ Вогуличей, въ болотахъ и лѣсахъ Пелымскихъ, такъ много, что одно озеро получило съ тѣхъ поръ названіе баннаго-поганнаго, по причинѣ множества сброшенныхъ туда тѣлъ; много уложилъ туземцевъ и отрядъ Брязги въ свой походъ отъ рѣчки Аремзянки до Оби. Были потери и въ рядахъ казацкихъ: между прочимъ палъ и храбрый атаманъ Никита Панъ.

Въ такихъ битвахъ и покореніяхъ прошло лѣто 1582 года, пока зима не сдѣлала вновь антракта, спустивъ свой бѣлый занавѣсъ.

Наступилъ 1583 годъ, и мартъ мѣсяцъ обрадовалъ Искерцевъ возвращеніемъ изъ Москвы атамана Кольцо. Радостна была встрѣча, явившагося съ радостными вѣстями атамана: казацкія заслуги признаны, вины ихъ прощены, ихъ начальникъ Ермакъ Ти-

юфѣвичъ царскимъ словомъ признанъ хозяиномъ страны, было съ чего задать пиръ и спрыснуть царскія милости. И передъ нами опять картина: мощная фигура Ермака, — крѣпко обхватила его мускулистые члены альная кольчуга, ярко блеститъ на груди золотой эль—это царское даренье, накинутая на немъ шуба тоже съ царскаго плеча; высоко поднимаетъ онъ, присланный ему, золотой ковшъ и при общихъ возгласахъ чувствуетъ царя Иоанна Васильевича и желаетъ ему многая лѣта.

Среди шумнаго беззавѣтнаго разгула молчаливъ лишь Махметъ-Куль: не долго ему остается жить въ стѣнахъ Искера, оскверненныхъ присутвіемъ невѣрныхъ, не долго любоваться полями и окрестностями, гдѣ онъ сумѣлъ своей отвагой заслужить имя богатыря: Кольцо привезъ царскій приказъ „отправить царевича въ Москву“.

Конечно, горе Махметъ-Кула не въ состояніи нарушить благодушной радости казаковъ, и весело смотрятъ они въ будущее: порванная нѣкогда, связь съ челоѣчествомъ восстановлена царскимъ прощеніемъ и милостями, къ нимъ идетъ подмога товарищей: Россія и Сибирь теперь ужъ одно неразрывное цѣлое.

Заводились и мирныя сношенія съ окрестными Сибиря странами—возстановлялась та связь и тѣ сношенія, какія существовали во время Кучума; и въ концѣ этого лѣта мѣстность Искера оживилась, пришедшимъ съ Бухары, караваномъ.

Пестра и оригинальна для русскаго глаза картина стѣннаго каравана: солидно выступаютъ неуклю-

жіе верблюды, апатично поглядывал на новую русскую обстановку, знакомого уже иль города! съ обыкновенною готовностію юркій сартъ распаковываетъ свои тюки съ товарами. Много южныхъ диковинокъ раскидывается предъ жителями Искера: вотъ бухарскіе ковры съ ихъ исконнымъ рисункомъ, такимъ же прихотливымъ и нелогичнымъ, какъ пылкая фантазія стеньяка; вотъ матерія зелено-фіолетовая, отливающая серебромъ, такъ похожая на южныя горы, рисующіяся среди стешей; камни, серебро, сушенныя дыни, кишмышъ; словомъ, есть чему подивиться и въ знакъ удовольствія обругать косоглазыхъ лѣшихъ.

Красивы товары, красивъ и лагерь этого каравана; много жизни внесъ онъ въ красивую мѣстность, окружающую Искеръ, и, конечно, рады ему наши казаки. Вообще веселый годъ переживаютъ они, и когда, обмѣнявъ свои южныя товары на произведенія Сѣвера, караваны двинулись обратно домой, на Искеръ остались пустота и тишина.

Впрочемъ, не на долго: съ сѣверо-запада къ нимъ приближался другой караванъ—это давножданная царская помощь подъ начальствомъ воеводы Болховскаго. Какъ-то придется уживаться съ воеводой людянь, для которыхъ въ былое время воевода былъ синонимомъ кары! Какъ-то придется дѣлать власть и дѣло! Не будетъ ли укоровъ прошлымъ—нашимъ труженникамъ? Все это если думалось и поредумывалось, то прежде, при самой же встрѣчѣ жданныхъ земляковъ была общая радость.

„Атаманы же и казаки срѣтопавъ ихъ съ вели-

кою честію.... Государевыхъ воеводъ одариша драгими собольми, и лисицами и всякою мягкою рухлядью, елика кто что можаху и радости исполнишася, веселяхуся, благодаряще Бога“.

Ясно свѣтитъ солнце надъ Искеромъ, ясны лица тамошнихъ жителей, и ясная будущность видится имъ на многія лѣта!

Радостно началась весна этого года на Искерѣ, радостно закончилась и осень; но ясному осеннему сонцу не долго сіять: тянутся съ сѣвера зимнія тучи, темныя, длинныя, словно лапы когтистыя, готовыя сорвать съ земли все, что только есть на ней отраднанаго.

Измѣнилась декорация: небывалая, какъ, свидѣтельствуютъ лѣтописцы, масса снѣга сравняла юрты Сибиряковъ съ землею, и готовится закрыть и болѣе высокія строенія Искера, словно заботливая мать, укутывающая дѣтей своихъ отъ холода; а „зимняя година“, по лѣтописи, „была люта“ морозами. Начались сибирскіе бураны. Можно себѣ представить, массу снѣжныхъ волнъ, застилающихъ неизмѣнную долину и несущуюся съ воемъ на приступъ къ утесу Искера.

У сѣверныхъ народовъ есть легенда о цингѣ: по снѣжному морю средь снѣжныхъ бурановъ несетя воздушный корабль, имъ правятъ двѣнадцать красавицъ сестеръ; откуда несутя онѣ—неизвѣстно, но путь ихъ направленъ туда, гдѣ пришельцы зимовать основались, и причаливши къ мѣсту тому, съ дикою пѣснью стремятся къ пришельцамъ въ ихъ сѣверный край.

Вотъ эта пѣсня:

Нѣтъ здѣсь церковнаго пѣнья,
Нѣтъ ни поповъ, ни амвона,
Нѣтъ колокольнаго звона,
Наше кругомъ все владѣнье.

Съ объятіями и поцѣлуями спѣшать они къ смертнымъ; но горе тому, кто ихъ ласкамъ поддастся: ихъ поцѣлуи пятно оставляютъ, и это печать—знакъ того, что онъ избранъ для жизни иной и въ царство тѣней изъ міра живыхъ перейдетъ непремѣнно.

Вотъ въ такихъ то снѣжныхъ вихряхъ призрачныя сестры шли въ эту зиму на приступъ къ Искеру—пустынно мертвенному городу,—жителей котораго лютые морозы и снѣжные бураны держатъ въ осадномъ положеніи въ ихъ, засыпанныхъ снѣгомъ, хатахъ. Неужто это люди, что мы видѣли весной и лѣтомъ, воодушевленныхъ отвагой, смѣло смотрѣвшихъ въ будущее!

Вотъ они теперь—въ большихъ избахъ, похожихъ на остяцкое зимовье, или на большую татарскую юрту, день и ночь при свѣтѣ огня, такъ какъ волоковыя окна, занесенныя снѣгомъ, не даютъ имъ свѣта, не даютъ возможности знать, что теперь такое, день или ночь. Да и какая нужда имъ до этого? не все ли равно этимъ людямъ? Распростертыя трупами по нарамъ—безъ силъ, безъ энергіи на то, чтобы собрать остатки силъ для борьбы съ овладѣвшимъ имъ врагомъ—съ цингою, засыпаютъ они подъ вой бурана, какъ подъ колыбельную пѣсню, и снятся имъ лица далекихъ родныхъ и близкихъ сердцу лю-

чиваетъ свою пространную рѣчь: „Московскіе люди и казацы пребывающе въ радости и въ веселіи, благодаряще Всемогущаго Бога, что дарова Богъ государю такую благодатную землю“.

Весна застала Ермака снова единственнымъ наибольшимъ земля Сибирской: прибывшій воевода съ большимъ числомъ, пришедшихъ съ нимъ умерли. Путевато было въ Искерѣ: кромя умершихъ отъ цинги и голода, часть казаковъ ушла въ Москву конвоемъ съ Махметъ-Куломъ.

Конечно, зимняя казацкая невзгода не могла быть тайной для Татаръ и Кучума; не было тайной и то, что ихъ богатырь усланъ, — это развязало ихъ руки. Не смотря на повсемѣстное спокойствіе и видную покорность, въ тишинѣ и тайнѣ готовилось общее возстаніе; ждали только сигнала отъ крѣпкой руки, забравшей всѣ нити этого дѣла — отъ Карача. Не знали и не предчувствовали ничего Русскіе; ожившая всѣхъ весна, сдѣлала ихъ благодумными, и радостно встрѣтили они посольство отъ своего врага, повѣрили его мнимому покорству, приняли богатую дань и исполнили исполнить его просьбу: послать ему помощь противъ Ногаевъ. Ермакъ, обрадованный приобрученіемъ такого крушнаго данника, отрядилъ ему на помощь 40 лучшихъ своихъ казаковъ подъ начальствомъ друга своего Кольцо. Никому изъ нихъ не пришлось воротиться въ Искерѣ. Кровь, обманутыхъ и, измѣнически зарѣзанныхъ, героевъ была сигналомъ общаго возстанія; атаманъ Яковъ Михайловъ, разлѣзавшій по мнимымъ дружба, былъ тоже убитъ, и

а тѣмъ въ мартѣ все хлынуло на Искеръ и облегло его живымъ кольцомъ, въ надеждѣ умерить осажденныхъ голодомъ.

Зная, что самъ Карача съ своими дѣтьми былъ у Соускайскаго мѣса, мы можемъ заключить, что это живое кольцо тянулось на огромное пространство; это и окружающіе Искеръ лѣса и сараи дѣлали немощными вылазки осажденныхъ. Положеніе Ермака было тяжелое „Ермакъ“, говоритъ Карамзинъ, „увидѣлъ себя въ тѣсной осады: завоеванія его, царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько сажень дѣревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями составляло единственное владѣніе казаковъ“!

Прошла весна, настало лѣто, положеніе дѣлъ не мѣнялось; предъ нами уже стоялъ грозный призракъ — голодь; такъ хорошо знакомый намъ, и онъ-то заставилъ рѣшиться ихъ на отчаянную воцѣ: ночью на 12-е іюня, атаманъ Мецеракъ, выбравъ охотниковъ, дѣлалъ вылазку, незамѣтно пробрался къ Соускайскому мѣсу и въ расщель наваль съ тыла на Карача. Испуганные неожиданнымъ нападениемъ, они, во всей вѣроятности, приняли казаковъ за новую пришедшую съ Москвы помощь Ермаку, и результатомъ этого дѣла было то, что казаки „убиша множество нечестивыхъ татаръ; дву же сыновъ Карачинныхъ убиша; прочіе татаровя разбѣгашася врзнь; Карача и съ ними не мнози за озеро убѣдоша“. Къ утру все, что окружало Искеръ, двинулось къ Соускаю; но было уже поздно; наши храбрыя, устроивъ себя защиту изъ брошеннаго обоза Карачи, встрѣ-

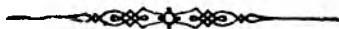
тилясь сѣмьлгата Храга, отсарили комисію, чтобы изъяснить судьбу по-
людямъ и прочимъ всего окончательнаго, и назавтра поехали
въ Искеръ.

Онова вздохнула Рускивъ свободности, ноуль пе-
большикъ исенурей; поумьдали бѣжившиго, и варадѣ и
по повороти итѣскойницѣ вниязвонѣ, и вощитанни
успокоились; ихъ жизнь ввоиѣ въ своео обманку буди
ничѣю колкою; стали поджидать, свѣжжя напрокъ, и в
нихъ востей — акараны, бужа саѣ, по урононое время
пришлота, а караваны не показывались; вѣзаны, и в
ушывали.

Между тѣмъ Кукуль, подвинуиийся къ Вичур-
рѣвъ, воспользовался вѣтнѣ слунномъ, ии подосады так-
тарина съ ложной вѣстѣю, и вѣтъ караваны, вѣтъ Могуь
прейти въ Искеръ, потому де, что Кукуль, стоуи въ
дорогѣ, и не пустиеть ихъ. Вовшиль Ермана, вѣтъ со-
бравъ дружину, двинула она ввотрчу варадану, и в
Чуяло лѣтъ вѣще вѣщацѣо сердце; что послѣд-
ній разъ смусклетрѣли, ии съ живопионноу холма, вѣтъ
его, отражающатоса въ Иршинѣ, какъ въ зеркалѣ, и
не щемиле ли это предчувствіе, видѣ свое, и вѣтъ
свое лице, отражающеея в слово, и вѣтъ ему и в
влюблющейся влѣти; не щемиле ли предчувствіе, что
скоро, скоро будетъ тамъ въ гнуба, и не отраженіе
только, а сама первообразъ; Конечно, лѣтъ ии наде-
дуть намъ отвѣта на эти вопросы, какъ и вѣтъ (сообща-
ють оны намъ и того, какъ вѣтъ вѣтъ. Одной Ерман-
кова отсутствіи, а тамъ вѣтъ Моцерицѣ, въ компанію съ
бездланнымъ, вѣтъ вѣтъ Бузовымъ. Поджидали караванъ,
поджидали; Ермана, съ вѣтъ вѣтъ, и вѣтъ вѣтъ, подни-

ихъ; но вмѣсто Ермака и каравана прибѣжалъ къ имъ вѣстникъ. Отъ него узнали казаки, что 5-го августа духъ, одушевлявшій всѣхъ, умъ, сплотившій эту разнохарактерную толпу въ одну общую силу, пересталъ существовать; отъ всего этого осталось одно мертвое тѣло гдѣ-то тамъ на илистомъ днѣ реки; лежитъ оно въ блестящей кольчугѣ, въ царскомъ подаркѣ, и нѣтъ ему теперь никакого дѣла ни Татарею ни до Русскихъ, лежитъ оно равнодушно, и къ славѣ, и къ вѣчной памяти его имени.

Потрясающее впечатлѣніе произвела въ Искеркѣ вѣсть, и „Русскіе убошася жити во градѣ... въ Руси бѣжавше, градъ же Сибирь оставиша пустъ“.

1907. ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

-) Предисловіе стр. III.
-) Укрѣпленіе Махметъ-Кула. „ 1.
-) Чувашскій ямьъ. „ 5.
-) Искеръ „ 21.

OLIVIERI

- 1) Olivieri
- 2) Olivieri
- 3) Olivieri
- 4) Olivieri

K781
T57
58

769896

A000024068826

A000024068826